

Марк Чаран Ньютон
Город холодных руин
Серия «Легенды красного солнца», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9371570

Легенды красного солнца. Кн. 2: Город холодных руин: роман: Азбука, Азбука-Аммикус; СПб.; 2015
ISBN 978-5-389-09898-5

Аннотация

На севере мира, замерзающего под красным умирающим солнцем, стоит город Виллерен. В нем процветает коррупция, преступные группировки делят сферы влияния, в подпольных гладиаторских боях сражаются порожденные больным воображением гибридные существа, а люди пропадают не только с улиц, но и из своих домов. А со стороны моря Виллерену угрожает загадочный враг, оставляющий за собой горы изувеченных тел...

Именно сюда бежал следователь Румек Джерид, стремясь укрыться от мести канцлера Уртики, захватившего власть в столичном Виллджамуре. Сюда же пробирается низложенная императрица Джамур Рика со своей сестрой Эйр и ее возлюбленным. Самые невероятные союзы становятся возможны в городе, осажденном врагами, раздираемом внутренними противоречиями и напичканном магией по самые крыши...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	39
Глава седьмая	43
Глава восьмая	49
Глава девятая	58
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	66
Глава двенадцатая	72
Глава тринадцатая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

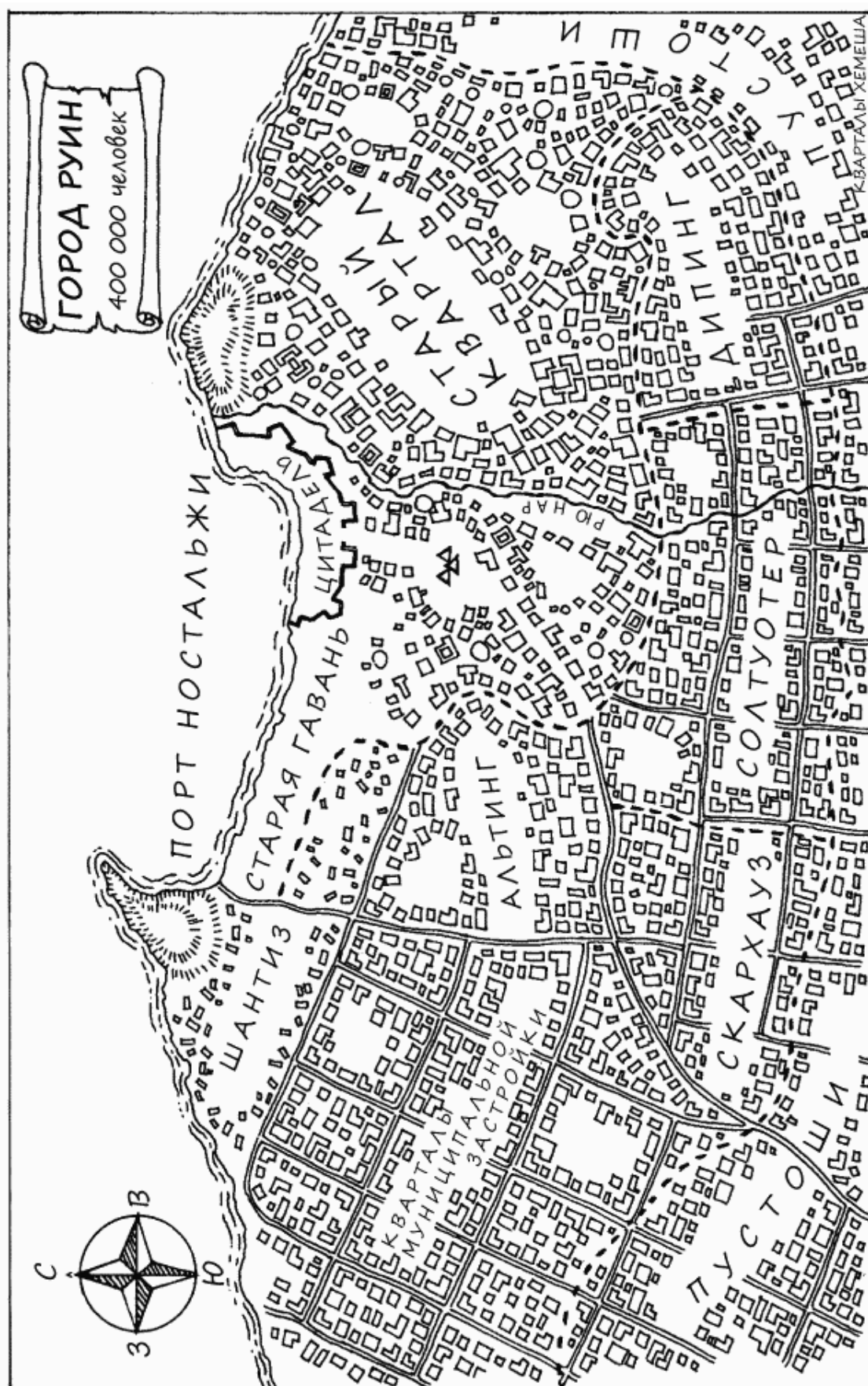
Марк Чаран Ньютон

Город холодных руин

*Камаль, моей матери,
которая никогда не отпускала
своих сыновей с пустыми руками*

*... Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как
бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?*

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Пролог

Он появился глубокой ночью – паук, ростом выше солдата. Улица за улицей извлекая из своего нутра тугую шелковую нить, он преодолевал с ее помощью самые высокие стены, лепился к самым узким карнизам. Две, затем четыре лапы – и стена осталась позади; шесть, восемь лап, вверх по лестнице дозорной башни, и вот уже открылся прекрасный вид на крыши Виллирена. Плотная шероховатая шкура паука удерживала пузыри воздуха, и теперь, когда рев прибоя зазвучал вдали, он сделал выдох.

Внизу по мостовой, цокая каблучками, прошла парочка, оба вполне подходящего размера, но... «Нет, не эти», – подумал паук и скользнул по каменной лестнице вниз, туда, где можно было встать на горизонтальную поверхность и откуда наблюдателю открывались новые перспективы. Косо летел снег, его большие пушистые хлопья становились постепенно мелкими и колючими, придавая еще больше задумчивой сосредоточенности и без того мрачным улицам.

Оказавшись в тени, паук помешкал.

Людей, бредущих по улицам и переулкам, он чувствовал по изменениям химического состава воздуха, по малейшим вибрациям, исходившим от них, так что, где бы они ни находились, спрятаться от него им не удалось бы. Ловко переступая лапами, паук подобрался к козырьку, сооруженному недавно из крепкого, надежного камня. Снова потянулась нить, и вот паук повис, удерживаемый лишь своим шелком, словно танцор перебирая лапами на ветру. Под ним тянулись переулки; пересекаясь, они складывались в одну большую сеть, размеры ячеек которой были выверены с математической точностью. За последний час народу внизу стало заметно меньше, лишь немногие горожане продолжали бросать вызов холоду, оставаясь еще на промозглых улицах.

Он почти физически чувствовал их страх.

Надо было выбрать одного из них – не слишком молодого, но и не старого. Весь мир рассыпался для паука на возможности и перспективы, когда он, двигаясь по спирали, начал контролируемое падение к земле.

Удаляясь во тьму, паук пустился на поиски свежего мяса.

«Кто это там визжит, надрывается?» – подумал Хауст. Точно не банши, ведь вопль прервался так внезапно, точно кричавшему перерезали глотку. Может быть, кто-то зовет на помощь? Его собственные чувства были обострены до предела, страх нарастал. В ночном небе, вскрикивая и рассекая крыльями воздух, нарезали круги птеродетты.

Черт подери, только этого мне и не хватало в мое дежурство. Вот ведь незадача: лежал бы уже давно в койке, а лучше – сидел бы с офицерами в столовой, лакал бы дешевую водку, так нет, все этот придурок командующий со своей идиотской общественной безопасностью. Патрулировать улицы, поддерживать в жителях уверенность в том, что власти контролируют ситуацию, вселять спокойствие в граждан, уменьшать их скептицизм по отношению к вооруженным силам. В данный момент Хаусту было плевать на всю эту чушь, равно как и на то, что сам он был ночным гвардейцем, а значит, обладал рядом полезных преимуществ. Никакие преимущества не могли изменить того факта, что он замерз как собака и отморозил яйца.

Снежинки плясали вокруг факелов, пламя которых окрашивало их снизу, делая похожими на снопы искр, летящих из-под кузнечного молота. Однако это не добавляло им привлекательности, особенно сейчас, накануне Оледенения, когда белая гадость на улицах и так всем обрыдла.

В этот час прохожих на улицах почти не осталось. Последним, кого он видел, был человек с накиннутым капюшоном, который старательно ковырялся в зубах, пробегая мимо. Один вид упорядоченно стоящих домов, сама их современность вызывала чувство протеста. Бесцветные лабиринты. Повернешь за угол, покажется, будто ты только что был здесь, повернешь за второй, подумаешь, что заблудился. Дома в этой части города строили, явно не заботясь о красоте, и он был рад, что не живет здесь.

Хауст прослужил в Ночной Гвардии всего несколько месяцев, но уже считал себя героем. Переведенный в элитное воинское подразделение империи из Третьего драгунского полка, бригады Волка, где он показал себя отличным лучником, Хауст вдруг очутился на окраине Бореальского архипелага, в городе, готовящемся к войне. Высокий, красивый, светловолосый, он мнил себя неуязвимым. *А почему бы и нет? В конце концов, быть ночным гвардейцем и быть непобедимым – это почти одно и то же.* Командующий-альбинос сам выбрал его из многих других, чтобы сражаться с ним бок о бок. Такое продвижение по службе значило, что он один из лучших и его карьера будет теперь идти лишь в гору. Ночами ему снились сны, в которых голоса говорили ему, что он избран. *С такими вещами не шутят.*

Плотнее завернувшись в темный плащ, он резко рванул с места и переулками пошел на разведку. Не больше мили отделяло его от Старого квартала – прежнего центра города, лежавшего позади плохоньких гостиниц и закрытых бистро. Прямо из мостовой вырастали арки из огромных китовых костей. Эти памятники тысячам безымянных рыбаков, которые за много веков городской истории ушли в море и не вернулись, указывали на то, что древний Виллирен был, по крайней мере, намного значительнее нынешнего. А еще это был квартал Ониксовых Крыл: три пары огромных крыльев, футов по двести в высоту каждое, наводивших на мысли скорее о рептилиях, чем о птицах, отстояли друг от друга футов на сто, отмечая вершины треугольника.

Снова раздался вопль, но откуда именно, понять было сложно. *Черт меня побери, до чего жуткое место!* Что-то шевельнулось у него над головой: может, гаруда? Почему же ему так страшно? Ведь он же военный, в конце концов, а значит, он в превосходной физической форме.

Внезапно навстречу ему выскочили кошки – сначала одна, две, потом четыре, а потом он сбился со счета. Кошки текли рекой, переулок стал ее ложем, когти скребли по камню, зверьки иногда натывались друг на друга и вдруг кончились, пропали вдали, их поток разлился по более широкому пространству улицы.

– Здесь есть кто-нибудь? – окликнул он.

Ответом ему послужило эхо его собственного голоса, и тут у него случился приступ головокружения: сама ткань улицы изменилась в одно мгновение. Символ казарменного уюта – бутылка дешевой водки – показался ему вдруг бесконечно далеким.

Повернув за угол, он что-то увидел и подошел ближе. На мостовой лежало совсем молодое тело, рассеченное вдоль: грудная клетка расколота, органы выпали наружу. Странно, но тело выглядело так, словно оно было мертво не первый день, по крайней мере явно дольше, чем с того момента, когда Хауст услышал первый ужасный крик. Приглядевшись, он заметил еще кое-какие детали: рана была не чистая, к краям пристали какие-то волоски, тонкие, но жесткие, длиной примерно в палец. Рядом с телом лежал тесак, окровавленное лезвие серебристо мерцало в темноте. В свете городских факелов виднелся пар, вытекавший из подземной отопительной системы наружу, в ледяной вечерний воздух.

Кто это сделал?

Откуда-то сзади послышался звон кованых сапог по булыжнику, и он немедленно обнажил саблю. Никого пока не видя, он пошел вдоль четкой линии домов вперед, навстречу звукам. Камешек упал с угла одного дома – «Что за черт?» – но все же никто не появился.

Остановившись, Хауст воспользовался своими усиленными чувствами. По переулку, шагах в ста от него, прошла на мягких лапах кошка. Где-то впереди сверкнул на земле обломок меча. Откуда-то с юга ветерок донес голос джорсалирского жреца, возносящего молитву.

Удар по голове погрузил Хауста во тьму...

Разбудил его металлический лязг, жуткий звук, производимый острыми лезвиями, которыми проводили друг по другу, и он тут же обнаружил, что лежит навзничь в темной комнате. Почему-то ему показалось, что комната находится под землей, ниже уровня города: то ли воздух в ней был какой-то особенный, то ли низкий сводчатый потолок напоминал склеп. На периферии его зрения в темноте тускло отсвечивали кинжалы, ножи и короткие мечи, развешанные вдоль стен.

Внезапно раздался звонкий голос:

– Добро пожаловать на мою скотобойню.

– Ты кто такой? – задохнулся Хауст.

Человек был одет в белую сорочку, жилет, черные штаны до колен, на голове цилиндр – наряд из тех, что предпочитали эксцентричные чудаки-завсегдатаи подпольных театров Виллджамура. Худощавый, с жиденькими усиками, он улыбался – улыбка не сходила с его лица. По правую руку от него стояло что-то черное вроде громадного паука, но с двумя почти человеческими глазами. Существо то и дело вставало на дыбы, поднимая в воздух шесть передних конечностей и потирая ими друг о друга, пока две нижние отрывисто цокали по каменному полу.

– Я? – переспросил человек в цилиндре. – О, я только заправляю этим небольшим шоу. Строго говоря, я твой убийца.

– Но ведь я же не умер... Или умер? – И он опять обвел комнату взглядом, словно желая удостовериться, что он еще жив и находится в прежнем, знакомом ему мире; однако ничего вокруг не убеждало его в этом.

– Всеу свое время, мой дорогой, всеу свое время, – пообещал незнакомец. – Маленькая грамматическая поправка: я буду твоим убийцей. В таких вещах требуется точность! А вот ты точно выбрал неподходящую ночь для прогулки, не так ли?

Хауст почувствовал, что его поднимают, – подозрение, что вокруг его пояса обвязана веревка, подтвердилось, – и вдруг его осенило, что веревка не натянулась, как будто другой ее конец не был привязан ни к чему. Словно заметив его удивление, хорошо одетый человек сказал:

– О, это просто для того, чтобы выпустить из тебя кровь, а потом высушить. Правила, везде свои правила, как я устаю от них иногда... Но ты не хуже моего знаешь, что правила необходимы.

Тонкие струйки дыма приняли форму рук, к ним пристроились неясные очертания тел, полупрозрачные фигуры окружили его, они касались его, ласкали ему ладони, лицо, шею – не без намек на эротику, – и он заметил, что у них не было глаз, только бесформенные дыры на их месте.

– Кто это такие? – Хауст окаменел, его тело вздрагивало, ощущая все более решительную хватку призраков.

– Тебя поднимают те, кого мы здесь зовем фонаями, – ответил ему человек. – Великолепные создания, не так ли?

Один из них зашептал:

– Окунуть его, сэр? Окунуть?

– Сэр, что нам сделать с ним, сэр? – забормотал другой. – Что?

– Переломать ему кости?

– Выпотрошить сначала?

– Выпустить кишки?

– Можно?

И его понесли по воздуху к массивному котлу, огненные языки облизывали его стенки, а внутри закипала вода, и пар стелился над ее поверхностью. Хауст закричал снова, а улыбчивый человек в цилиндре помахал ему рукой и отвесил поклон в ответ на его крики.

Вдруг резкое падение, отчаянный вопль – и во второй раз за ночь вокруг него стало темно...

Глава первая

Все началось с того, что глубокой ночью кто-то постучал в его дверь, затем незнакомый голос тревожным шепотом позвал его сквозь замочную скважину по имени:

– Следователь Джерид?

Сквозь сон слова показались ему призраком звука.

В чем дело?

Он лежал в постели рядом с женой, Марисой; это была их восьмая ночь в Виллирене. Джерид только начинал привыкать к ночным шумам города, к суматохе, царившей на его улицах даже ночью, к людям, толкавшимся под окнами в любой час, – они не давали ему заснуть, даже когда глаза у него закрывались. Сон был важным делом, а лежать в незнакомой кровати было все равно что жить в другом мире. Собственная жизнь казалась ему полной беспорядка. Странно, ведь теперь количество вещей в ней свелось к минимуму.

Он потер ладонью выпирающее брюшко и рассеянно повел кончиком хвоста из стороны в сторону. *Чертовски позднее время для визитов.* Сто с лишним лет прожито, есть, казалось бы, над чем подумать, а он не может вспомнить, когда в последний раз ощущал себя в таком подвешенном состоянии. До последнего времени работа была его жизнью. Раньше, представляя инквизицию Виллджамура, он всегда чувствовал себя уверенно. Он знал все правила той жизни, в каждом конкретном случае представлял, чего именно от него ожидают. Он имел вес, точно знал, где ему место, а где нет, а здесь, без опоры на привычные правила и нормы, его уверенность в себе рухнула.

Единственным ориентиром, оставшимся у него от прежней жизни, была его жена Мариса. В браке счастливые годы нередко сменяются неудачными и наоборот, но в последнее время они оба заново открыли для себя любовь друг к другу, и это превратило их жизнь в сказку. Отъезд из родного города сблизил их еще больше. Больше ему нечего было и желать. Он инстинктивно бросил взгляд на Марису, чьи светлые волосы, ярко контрастируя с грубой черной кожей, теперь словно притягивали к себе узкие полоски лунного света, пробивавшегося сквозь щели в жалюзи. Ее хвост сонно шевельнулся под одеялом, само ее присутствие внушало ему чувство глубокого покоя.

И снова шепот:

– Следователь Румекс Джерид!

– Гм, минутку!

Раздражение оттого, что ему не дают поспать, пересиливало желание узнать, в чем дело. Какое-то время он лежал и думал: «Если кто-то приходит к тебе посреди ночи, то вряд ли затем, чтобы сообщить хорошую весть. Стоит ли встать и посмотреть, кто это?»

Угли от недавнего огня еще тлели за каминной решеткой, резко пахло пылью, скопившейся в помещении за долгие годы. Жилье было временное, ввиду неизбежной войны он не знал, надолго ли они вообще задержатся в этом городе.

– Пожалуйста, откройте. – Голос был спокойным и уверенным, его владелец явно привык командовать.

Сосредоточься, Джерид.

Он вытащил себя из постели и сел, свесив ноги. На нем было несколько слоев одежды, его наряд довершала пара возмутительных штанов: ярко-красных, с сотнями золотых звездочек, нашитых на материю сверху. Мариса купила их по дороге из Виллджамура. Заявила, что он слишком много ворчит, что ему надо приободриться и начать почаще улыбаться. И вот теперь, в глубине души стыдясь этих штанов и совершенно забыв про улыбку, он шел на цыпочках к двери, а скрипучие половицы стонали под его шагами.

Паук пробежал перед ним по полу и скрылся под буфетом, отчего Джерид замер. Это был его тайный страх и стыд: он боялся и ненавидел этих тварей с самого детства. Один их вид вселял в него парализующий ужас, заставляя обливаться холодным потом. Раздутые луковицы тел, суетливое мельтешение лапок – фу, гадость!

Содрогаясь от омерзения, зато окончательно проснувшись, он нагнулся и заглянул в замочную скважину, но увидел лишь темноту...

И вдруг с другой стороны возник почти совершенно красный глаз и уставился на него. Джерид отскочил со словами:

– Одну минуту, – и отпер дверь.

За ней стоял альбинос, чья бесцветная кожа белела даже в темноте, так что его легко можно было принять за призрак. Джамурская звезда у него на груди выделялась на черной ткани формы.

– Селе Джамура, следовательно Джерид. Я командующий Латрея.

Джерид сразу узнал этого учтивого офицера, о котором слышал еще в Виллджамуре, хотя там никогда его не видел. Он был высокого роста, с узким лицом и тонким носом, каждое его движение выдавало аристократа. Однако Джерид слышал, что он обладал и такими полезными и внушающими уважение качествами, как твердость и уверенность в себе, и это располагало к нему старого следователя. А еще до него неоднократно доходили слухи о том, что этот человек – мастер боя на мечах и непревзойденный стратег, необычайно бережно относящийся к состоящим под его командованием людям.

– Селе Джамура, командующий, – пробормотал он в ответ, потирая глаза. – Чем могу помочь?

Командующий сделал шаг в сторону, когда Джерид вышел в коридор и прикрыл за собой дверь, не желая тревожить Марису. Звездчатые штаны Джерида притягивали взгляд офицера. Ну почему она не могла купить ему что-нибудь черное или коричневое, сливающееся с ночью? *Нет ведь, красные с золотыми звездами.*

– Я бросил клич, что мне нужен следователь, – заговорил командующий, – и тут же мне рассказали о вашем прибытии с Джокулла. А поскольку на этом острове я не доверяю никому, то лучше, чтобы это были вы.

Джерид был рад это слышать, поскольку слова командующего подтверждали его предположения, которых было ровно два. Первое состояло в том, что командующий привык опираться на людей, чьи личные качества внушали ему уважение; второе заключалось в том, что этот город действительно прогнал насквозь, как думал и сам Джерид.

– Что ж, я схожу с ума от страха не больше, чем всякий другой в наше время, так что ваш секрет будет со мной в относительной безопасности, – сказал Джерид. – Хотя вы, наверное, слышали, что мое возвращение на Джокулл нежелательно.

– Что вы там натворили?

«Да так, взбесил одного канцлера – нынешнего императора – тем, что раскрыл коррупционный заговор в самом сердце империи. А потом пустился в бега от тех, кто мог призвать меня за это к ответу. Приехал в единственный во всей империи город, где граждане взяли закон в свои руки, а инквизиция не подчиняется Виллджамуру, хотя последнее противоречит правилам. Только благодаря этому мне удалось найти работу по специальности, а не ждать голодной смерти в надвигающееся Оледенение. И все без лишних вопросов» – вот что ему хотелось сказать, просто чтобы облегчить душу.

Вместо этого он буркнул:

– Их всегда раздражала моя привычка затягивать с отчетами. А эта черная дыра, называемая городом, как выяснилось, и есть для меня самое подходящее место.

Командующий нахмурился и сдержанно кивнул:

– Справедливо.

– А вы, командующий? Как вы оказались в этом неприятном месте?

– Да, вы правы, местечко малоприятное, но и его жители нуждаются в защите. Городу угрожает вторжение, и мы здесь для того, чтобы организовать оборону.

– Надеюсь, вы не за этим ко мне пришли?

– Нет. Но у нас пропал солдат, рядовой Хауст, ночной гвардеец. Высокий, стройный, светловолосый, голубоглазый – типичный островитянин с юго-запада. Он пробыл в нашем подразделении всего пару месяцев и невероятно гордился службой у нас. У него не было никаких причин просто покинуть пост, тем более во время дежурства. Если бы он так поступил, его уволили бы из армии; тем не менее он отсутствует уже шесть дней.

– Почему же вы не пришли ко мне сразу?

– Первые два дня мы искали его своими силами, но наши людские ресурсы ограничены, а местная инквизиция сказала, что слишком занята; тут кто-то упомянул следователя с Джокулла, который совсем недавно прибыл на остров и еще не завален делами. После небольшого нажима я выяснил ваши имя и адрес.

Джерид невольно задумался о том, сколько усилий понадобится приложить его бывшим коллегам из Виллджамура, чтобы разузнать то же самое. Если, конечно, его вообще будут искать.

– А еще я слышал о том, что люди здесь пропадают довольно часто и наш Хауст не исключение. Настолько часто, что даже удивительно.

– Ну, может, они просто сваливают отсюда потихоньку из-за холодов, – предположил Джерид, мысленно прикидывая возможности.

– Да, но они не могли все уйти, не оставив никаких следов, – возразил командующий. – Большинство жителей города озабочено тем, чтобы прожить каждый новый день. Грядущее Оледенение, а тем более война их, кажется, не интересует. Да и куда им идти? Нет, судя по тому, что я слышал, они просто исчезли из своих домов.

Джерид выпросил у него все подробности исчезновения рядового Хауста, пытаясь обнаружить зацепки, которые могли бы помочь ему в поисках. По его мнению, каждая деталь имела значение. Судя по тому, что сообщил ему командующий, рядового, скорее всего, убили, однако Джерид мало что мог поделать в этом незаконном городе, которого он к тому же совершенно не знал. Люди пропадали здесь все время. По своему опыту следователь знал, что в таких исчезновениях нет ничего таинственного.

– При обычных обстоятельствах я послал бы своих людей расследовать это дело, – продолжал командующий, – однако, учитывая события на севере и возможную угрозу городу в будущем, мы не можем отвлекаться от планирования обороны и подготовки войск. Вот почему мне нужен доверенный человек, который занялся бы этим делом.

– А вы человек подозрительный, как я вижу, – заметил Джерид с одобрением.

– У меня есть на то свои причины. Я не доверяю даже канцлеру, то бишь нынешнему императору. Прошу прощения, но я никак не могу привыкнуть к тому, что династия Джамуров свергнута.

– Не вы один, командующий.

События, произошедшие в Виллджамуре совсем недавно, были еще слишком свежи в его памяти. Не забылось и то, что он открыл сам. Смещение династии Джамуров и замена ее новым правителем. Заговор религиозных сект. То, как Уртика, хитро играя словами и подтасовывая факты, манипулируя деньгами и людьми, за одну ночь из канцлера превратился в императора.

Альбинос улыбнулся и кивнул, подтверждая, что и в этом они едины. Тогда Джерид решил, что соглашение достигнуто, и пообещал заняться этим делом прямо с утра.

Когда командующий упругой походкой двинулся по коридору, Джерид в своих злополучных штанах вернулся в квартиру, лег в постель, забрался к жене под бок и, обхватив ее

одной рукой, принялся думать о том, как он, черт возьми, будет передвигаться по городу, о котором ничего еще не знает.

Глава вторая

Рокот, настолько громкий, что его можно было принять за вражескую армию на марше, поразил их слух куда раньше, чем они увидели зал, в который шли, фактически сразу, едва бейлиф Лутто и Бринд Латрея спустились под землю. Здесь, внизу, ощущение полной оторванности от поверхности становилось порой до того сильным, что Бринду казалось, будто он попал в ночной кошмар.

Их путь то и дело пересекали потоки дурно пахнувшей воды: это был снег, растаявший наверху от насыпанной на него соли; внизу он смешивался с водой из канализации и еще с какой-то жидкостью, происхождение которой Бринд не осмеливался даже предположить.

– Лутто чувствует запах, – бормотал бейлиф Виллирена, – но в кризисные времена запах моего прекрасного города – нет, прекрасного города всей империи, ха! – беспокоит меня меньше всего. – Переваливаясь с боку на бок, точно утка, он вел Бринда темными безликими проходами, выставив для устойчивости в стороны толстые окорокообразные руки, в одной из которых он держал свечу. Их путь лежал вниз, туда, откуда доносился рев. Хорошо хоть, что Бринд видит только его спину, а не лживую морду с производящим странное завораживающее впечатление клинышком усов над верхней губой. Не иначе как он отрастил их только для того, чтобы отвлекать внимание от глаз, а то вдруг люди заметят в них отблеск правды, противоречащей его словам. Лутто еще не достиг состояния полного отупения, но, судя по нескольким беседам, которые имели место между ними, ждать этого оставалось уже недолго. И все же за этим неприглядным фасадом скрывался интеллект, извращенный и беспощадный, и иногда он давал себя знать. Болтали, что Виллиреном на самом деле управляет не Лутто, а его жена, и эти слухи казались Бринду небезосновательными: иначе как он мог в одиночку руководить целым городом? Военные пробыли здесь всего несколько недель, но Бринду уже до смерти надоел и сам Лутто, и его манера держаться и говорить, и его отношение к людям вообще и к нему самому в частности.

– Далеко еще? – спросил он.

– Сколько нетерпения. Казалось бы, солдат должен...

– Я спрашиваю, далеко еще?! – рыкнул Бринд.

– Мои извинения, командующий. Не слишком, минут десять, не больше, Лутто обещает.

– Ты когда-нибудь скажешь мне, почему, чтобы прийти с тобой сюда, я должен был снять форму? – Простая коричневая туника, тускло-серый плащ, широкополая шляпа, натянутая чуть ли не на нос, да еще и грязь, размазанная по щекам, чтобы скрыть их характерную бледность, – так выглядел сейчас Бринд.

– Когда имеешь дело с этими людьми, секретность не мешает. – Вот и все, что толстяк буркнул ему в ответ, а Бринд уже привык к его уклончивой и зачастую темной манере изъясняться. Конечно, она бесила его, но куда денешься, приходится терпеть и двусмысленность, и подтекст.

В конце концов, и у самого Бринда имелись свои секреты.

По словам Лутто, это маленькое подземное путешествие могло впоследствии сыграть ключевую роль в обороне города, а Бринду не хотелось упускать ни одной из открывавшихся перед ним возможностей. Подготовиться к возможной осаде города на фоне слабой поддержки населения представлялось особенно важным.

Здесь подземные ходы сильно напоминали подземелья Виллджамура: такие же извилистые, темные и неизвестно для чего построенные, хотя эти прорыли явно позже, чем те, – углы ступеней здесь еще не стерлись и не закруглились от времени. Еще пять минут, и они оказались на более низком уровне – Бринд при ходьбе ощущал, как пол идет под уклон.

Крысы то и дело выскакивали у них из-под ног и мчались впереди, отбрасывая тени. В воздухе усилился запах благовоний, крики толпы сделались отчетливее и яснее, и Бринд почувствовал, как часто забилося у него сердце.

– Почти пришли... – шепнул Лутто, указав рукой вперед.

Миновав неприметные двери, они очутились в зале, похожем на цирк: каменные сиденья кольцами спускались вниз, к арене, в центре которой было устроено веревочное заграждение – примерно сорок шагов в длину и столько же в ширину. Колонны в зале явно разделяли две соперничавшие группировки болельщиков: их было уже не меньше четырех сотен, они свистели и улюлюкали, а новые люди все подходили и подходили. Десятки урн на высоких пьедесталах горели жидким огнем, давая на удивление яркий свет, которого хватало, чтобы полностью разогнать тьму в этом подземном помещении.

Бринд с изумлением озирался.

– Это что, все легально?

– Ах вы, солдаты! – засмеялся толстяк-бейлиф. – Верные стражи закона и порядка. Лутто заверяет командующего, что все здесь происходящее дозволено нашими древними подзаконными актами.

Бринд злобно уставился на него:

– Подзаконными актами, как же! Звучит сомнительно. Точнее будет сказать, что ты сам получаешь от происходящего здесь прибыль.

– Небольшой налог, и только. – Лутто улыбнулся. – Надо же стараться обращать дурные деньги на благие цели! Прикрой мы это все, и нечем станет оплачивать жизненно необходимые вещи, а значит, Лутто придется провести остаток жизни, гоняясь за людьми куда более сильными и быстрыми, чем он сам.

«Не больно-то много ты тратишь на жизненно необходимое, – подумал Бринд. – Видел я твою бухгалтерию».

Жутковатую атмосферу таинственного подземелья усиливали непонятные источники света, представлявшие собой куски желеобразной массы, надетые на пики или закрытые в решетчатые клетки по несколько штук сразу; время от времени кто-то невидимый сбрызгивал их водой, и тогда исходящий от них свет усиливался, начинал переливаться и мигать.

– Что это за светильники такие?

– Биолюмы, – отвечал Лутто. – Их добывают в море. Недавно начали, обычно такое не поощряется по причинам экологической безопасности, но совсем избежать этого не удастся.

Бринд никогда о таком не слышал. Лутто снова открыл пасть, видимо желая что-то сказать, но передумал.

Когда они заняли места в последнем ряду, Толстый Лутто склонился к Бринду и принялся объяснять ему принятые у них на севере условия проведения поединков.

– Человека, которого я хочу вам показать, зовут Малум. Увидите его, сами поймете, почему встреча с ним может быть полезной. Он появится с минуты на минуту.

– Значит, он хорошо дерется, этот Малум? – спросил Бринд.

– Он любит бои големов, так о нем говорят, да и как их не любить? Это всегда шанс для соперников показать себя. Временами кого только здесь не увидишь, все лучшие культисты – и Дженто Дюмонд, и Фелток Дюпре, и даже сам старина Девяносто Шесть – все приносят свои таланты и своих кукол сюда, на ринг вроде этого, и здесь их уродливые создания оживают, каменные изваяния становятся борцами. А что потом творится, как они рвут друг друга на части, прямо куски мяса летят! А потом те, кто уцелеет, отходят в сторонку, садятся, складывают руки на коленях и снова превращаются в камень. Но подобные сценические ухищрения – это одно, а вот три раза в год культистам позволено приводить сюда кое-кого еще более экзотичного: гибридов животных и людей, усиленных магическими реликвиями. Случается и людям, претендующим на звание главаря той или иной банды, доказывать, что

они этого достойны. И тогда они выходят на эту арену лицом к лицу с этими тварями... с этими чудными выблядками культистской страсти. Глядите, вот один из них! – Лутто взмахнул похожей на окорок ручищей.

Три человека в коричневых плащах с капюшонами озабоченно возились с каким-то люком в полу недалеко от арены, в проходе между сиденьями; вот его крышка откинулась, вокруг захлопали, закричали, но эти звуки почти сразу сменились всеобщим вздохом изумления.

Из люка неловко выбрались наружу трое существ гротескного вида – не то люди, не то ящерицы; их кожа светилась зеленоватыми дикарскими татуировками там, где под ней перекачивались бугры самых крупных мышц; и каждое из них было по крайней мере на голову выше любого из мужчин в зале.

– Что это за чертовщина такая? – изумился Бринд. – Лутто, кто эти твари?

– Как я уже говорил, культисты создают этих существ по собственному капризу. Восхитительны, не правда ли? И такая изобретательность...

– И они законны?

– Здесь, в Виллирене, да, конечно. – Толстяк приложил ладонь к груди, качая головой. – Очень умно, очень. Здесь их разводят только для боев, так что с законом проблем нет, все в порядке. Давно я уже не видел таких красавцев, как эти.

Неестественной походкой человекоящеры двинулись вперед. Они шли как будто против воли, но в то же время играли мускулами, каждый их шаг был напряженным и все же упругим. Дергая себя за веревки на шее, они словно знали, что обречены выйти на эту арену. Вдруг один из них упал, точно забыл последовательность движений, необходимых для прямохождения; откуда-то выскочил человек, подбежал к нему, сунул ему в рот какую-то штуку, повернул; вспыхнул направленный луч фиолетового света, и человек вернулся в ряды зрителей и смешался с толпой, а помесь человека и ящерицы оттолкнулась от пыльного пола и зашагала дальше.

Лутто пояснил:

– Культист, – и Бринд кивнул, показывая, что понял. Все, что они видели перед собой, было противоестественно.

Не прошло и минуты, как гибриды получили свое оружие – кривые сабли и палицу – и принялись переговариваться друг с другом на примитивном гортанном языке.

Затем они разошлись в стороны, сжимая каждый свое орудие и шаря взглядами по залу. Свист и вопли понеслись со всех сторон, когда трое заняли давно, судя по всему, знакомые им места: каждый в одном из углов ринга.

Одно слово передавалось из уст в уста, сначала шепотом, потом набирая громкость и четкость:

– Ма-лум! Ма-лум!

– Что они скандируют – что это за слово такое? – спросил у Лутто Бринд.

– Зовут своего любимого бойца, – пояснил тот. – Звезду нашего маленького шоу!

– Того, ради которого ты меня сюда притащил?

Лутто кивнул, его подбородки заколыхались, пот бисером высыпал на лбу. Усердие толпы было наконец вознаграждено: перед собравшимися появился человек в капюшоне. Двое подошли и сняли с него плащ, человек остался с голым торсом. «Как ему не холодно, – мелькнуло в голове у Бринда, – расхаживать едва ли не голышом в такой мороз и ветер». Боец в черных штанах в обтяжку шагнул на арену, поднырнул под веревку и оказался на ринге; только тогда Бринд осознал, что на нем тоже маска. Вообще в зале было много людей в масках, куда больше, чем на улицах. Такая была в Виллирене мода, но Бринд к ней еще не привык.

Малум взял из рук одного из ассистентов короткий клинок вроде ножа, прямой, недлинный, с одним режущим краем, у острия курносо поднимавшимся вверх. Необычный выбор оружия для обычного человека; возможно, этот меч что-то о нем говорит. Поджарый, мускулистый, по рукам змеятся татуировки, спускаясь по бокам к пояснице. Волосы черные, на лице трехдневная щетина. Необычный оскал зубов, есть в нем что-то звериное. Да, с таким типом на темной улице лучше не встречаться.

– Его имя? – Бринд хотел удостовериться.

– Это Малум, вожак банды под названием «Кровь», считается самым могущественным человеком в городском подполье. В его банде сотни, а может, и тысячи людей. Лутто и сам не раз вел с ними дела. Лучше не настраивать против себя бандитов, не так ли? А то и контроль потерять можно.

Малум, почти не глядя на трех гибридов, которые стояли в трех углах ринга, прошел в четвертый. Лицо, изображенное на его маске, выражало затаенную ярость.

Наконец кто-то прозвонил в колокол, и настала относительная тишина. Какой-то человек огласил правила, если, конечно, их можно было так назвать: дозволено все, последний, кто удержится на ногах, считается победителем, пауз для отдыха нет. Начинаем.

Новый удар колокола, толпа ревет, Малум уже настороже. Делает шаг вперед, его меч поднят, он готов к бою. Он встает в оборонительную позицию, гибриды надвигаются на него с трех сторон, они перебрасываются какими-то словами, но гортанные звуки их языка тонут в реве восторженной толпы. Краткий миг зеленые твари глядят на человека сверху вниз, точно обдумывая свой следующий шаг. Потом один взмахнул палицей, Малум проворно отпрыгнул, и тут же вступил другой, с кривым мечом. Но Малум и тут не стал отвечать ударом на удар. Казалось, ему доставляет удовольствие просто уклоняться от них, однако было видно, что это его тактика, что он наблюдает за человекоящерами, изучает их манеру двигаться. Третий гибрид взвизгнул и бросился на Малума, потрясая своим скимитаром. Человек нырнул под меч противника, точно и коротко ткнул его своим мечом в живот и тут же ушел в сторону, а по животу гибрида поползли капли черной крови. Тот устоял на них, точно не веря своим глазам, потом снова перевел взгляд на свою жертву. Но не успел он сдвинуться с места, как Малум уже чиркнул его своим коротким мечом по горлу. Тварь рухнула на одно колено, выпучив глаза, и тут же упала ничком на арену. Двое других, недолго думая, ринулись вперед и обрушили на Малума свое оружие, но тот просто увернулся от них, и гибриды столкнулись друг с другом. Невероятно маневренный и быстрый, человек проскользнул у них за спинами, чиркнув своим мечом по ахиллесову сухожилию того, что с палицей. Тварь взвизгнула и упала на колено, кровь смочила пыльный пол. Толпа восторженно заорала, Малум улыбнулся, показывая публике свой меч. Он явно наслаждался происходящим и, не скрывая высокомерия, оглядывал двух тварей.

Человекоящер с кривым мечом стал наседать, рубя им воздух, и Малуму даже пришлось отбиваться, прежде чем он сумел всадить острие своего меча противнику в бок.

Следующий удар сабли наверняка снес бы ему голову, не успеет он вовремя увернуться. В скорости, с которой он двигался, было что-то настораживающее, не вполне человеческое. Мускулы Малума играли под кожей, вздувались сухожилия, торс блестел от пота, а он все улыбался.

Бринд не мог понять, что это: игра света или он впрямь видит клыки.

Тварь с палицей встала на обе ноги и захромала к краю ринга; стоило ей повернуть к Малуму спину, как тот мгновенно подскочил сзади, всадил в нее свой меч и распорол вдоль хребта. Когда он был уже готов вынуть меч, полукровка упал и задергался. Второй противник повержен, и снова зал сотряс приветственный клич. Малум повернул назад, к последнему гибриду, явно лучшему борцу из троих.

Он набросился на противника, демонстрируя искусство и уверенность во владении мечом и поражая зрителей артистическими пируэтами, которыми он украшал каждое свое движение. Казалось, он движется в каком-то совершенно ином измерении.

Гибрид получил порез сначала в руку, потом в бок, потом в лицо и уже поникал, точно увядающий цветок, когда Малум погнался его спиной вперед к краю ринга, где тот оступился, налетев на поверженного собрата. Наконец Малум начисто отсек его руку, державшую оружие, а затем вонзил свой мясницкий нож ему в грудь. Секунда-другая, и тело перестало дергаться.

Малум постоял, тяжело дыша, весь залитый кровью ненатуральных оттенков, потом повернулся к ликующей толпе лицом и замер, словно давая понять, что его положение лучшего бойца неколебимо; зрители исходили восторженными воплями и свистом, а он слушал их бесстрастно, будто укоряя за то, что они могли усомниться в его превосходстве. Он даже лизнул кровь, покрывавшую его, точно пробуя ее на вкус.

Кто-то крикнул:

– Ты и ты – следующие, – и из переднего ряда поднялись двое, оба с массивными треугольниками торсов и узкими талиями. Они оглядывали друг друга, словно готовясь сойтись в рукопашной.

– Интересно, – заговорил Лутто, – почему это, какой бы изощренной ни была культура, людям всегда надо доказывать себе и другим, что они крутые, а? Так что, полагаю, вы уже хотите, чтобы я устроил вам встречу, командуящий. Как думаете, будет от него прок?

Малум поражал, он завораживал, он был жесток. Умениями он не уступал ни одному из солдат, которых Бринд видел за свою жизнь, а может, и превосходил их. В случае необходимости помощь такого человека могла оказаться неоценимой. Раздумывать было не о чем: он нуждался в любой помощи, какую мог найти.

– Думаю, да, – согласился Бринд. – А если есть еще кто-то, столь же способный и одаренный, как он, я хочу о них знать. Возможно, именно они решат судьбу твоего города – выживет он или превратится в груды развалин.

– Лутто все понимает, – отозвался толстый бейлиф, – и задаст соответствующие вопросы.

Глава третья

– Мой ми-и-и-ленький солда-а-атик, как ангел он хоро-о-ош, – пела Ариетта, непотопляемая примадонна виллиренской сцены, которая, несмотря на свои сорок шесть лет и широченную корму, еще всю пользовалась своими чарами. Из-под красной маски бауты, надежно укрывающей его лицо, Малум наблюдал за тем, как женщина скользит по сцене, а ее прелести так и рвутся за пределы облегающего платья из серебристой материи, соблазнительно сверкающей при свете ламп и свечей. Тут гитарист опять взял неверный аккорд, и она наградила его свирепым взглядом.

– Мой сме-е-елый, скажу тебе, что де-е-елать.

Еще одна ночь в клубе «Партизан». Необходимо, чтобы Малума видели здесь именно сейчас. Его присутствие в данном месте – это алиби, которое докажет его непричастность к готовящемуся преступлению.

Необычайный дух солидарности снизошел на город. Слухи о надвигающейся войне росли и множились, и все в Виллирене, у кого были хоть какие-то деньги, единодушно желали просаживать их в клубах. До Малума доходили слухи, что дела Ариетты идут лучше некуда. Закончив номер, она послала ему такую широченную улыбку, что плотная корка макияжа на ее лице едва не пошла трещинами, и только потом под гром оваций и восхищенный свист поклонилась остальной публике. Она прекрасно знала, кто он такой, и остальные, собравшиеся здесь, тоже. Все, кто хотел сделать в этом городе карьеру или даже просто продлить свои дни, должны были знать, кто он такой, и его эта репутация устраивала. Официант как раз собирался поднести ему счет, когда кто-то наклонился и шепнул ему что-то на ухо. «Ах вот это кто», – было написано на лице официанта, когда тот возвращался на свое место в тени за стойкой бара.

Малуму было пора. Он снял маску и положил ее на стол для Джей-Си, который стоял у него за спиной и был сегодня на удивление трезв. Тот мгновенно натянул такой же, как у Малума, сюртук, напялил идентичную шляпу, прикрыл лицо маской и сел на стул, с которого только что поднялся Малум, за его обычным столом слева от сцены, в приятной полутени.

А Малум выскользнул из зала, надел пальто и вышел на холод.

Малум ждал, ночь была морозной. В белой маске, в нескольких шагах от Рю Нар – слишком близко от дома, но ничего не поделаешь, надо развязаться с этим делом. Сотни фонарей и редкие биолюмы скользили по улицам города, словно звездное небо опустилось на землю и светила продолжали здесь свой небесный путь. Еще ездили фиакры, развозя любителей ночных удовольствий по злачным местам. Мимо, смеясь, цокая каблучками и чокаясь на ходу бутылками, прошли две девушки-блондинки в длинных плащах – зрелище, вполне типичное для этой части Виллирена. Рыжая бабенка с огромным пузом, шаркая, шла в его сторону, потом вдруг споткнулась и уронила на мостовую сумку. Видимо, на новое пальто, более подходящее ее нынешнему положению, у нее не было денег, а старое так натянулось под напором живота, что пуговицы едва держались. Интересно, о чем думают младенцы, лежа в этой липкой темноте, как в коконе? *Чувствует ли этот, в какой ад он попадет, когда родится?*

Малум шагнул вперед, думая: «Черт, испорчу сейчас прикрытие», и помог ей собрать выпавшие на мостовую куски мяса. Сначала она, наверное, решила, что он хочет ее ограбить, но потом прошептала робкое «спасибо», принимая сумку у него из рук. Они обменялись беглыми взглядами, и Малум ощутил глубокий волнующий аромат ее... *крови.*

Он уже давно не испытывал ничего подобного, потому что обычно держал свою жажду под контролем. Вот и на этот раз он отвернулся, а беременная женщина продолжила свой путь.

Ему необходимо было вернуться в *зону* – определенное ментальное пространство, в котором ему приходилось обитать, – чтобы завершить начатое дело.

В Виллирене были десятки площадей вроде этой, однако она находилась в одном из тех редких кварталов, которым удалось избежать отупляющего своим постоянством процесса перестройки. Просто удивительно, до чего быстро меняется все кругом, думал Малум; деревянные дома рано или поздно с неизбежностью вытесняются каменными. Деньги горнопромышленников подпитывают благосостояние кузнечного дела, и город растет так стремительно и неукротимо, что, посиди человек на углу улицы подольше, вокруг него построят магазин.

Малум проверил ножи – один в сапоге, другой в рукаве, прямые односторонние клинки с курносими кончиками, как раз то, что нужно для этой работы. Рот прикрыт шарфом, тяжелый сюртук защищает от всепроникающей мороси, трехрогая шляпа сдвинута на лоб, белая маска закрывает верхнюю часть лица. Сердце грохотало так, что он чувствовал свое волнение едва ли не на вкус.

Снова вперед. Некоторые торговцы еще оставались на своих местах: одни жарили еду, другие продавали – кто теплую одежду, а кто кувшины, горшки, тарелки. Он заметил мальчишку, которому, кажется, сам продал недавно поддельную реликвию, и очень удивился, что паренек еще жив. Вечно какие-нибудь пацаны крутятся под ногами, куда ни пойдешь, так уж здесь заведено. Видно, делать им нечего, кроме как шататься днем по рынку да пялиться на товары и причудливую мешанину людей, а ночами ошиваться у злачных мест. Никуда от них не денешься.

Прямоугольник света – его цель: это дверь, в ней силуэт стоящего человека, толстый из-за объемистого пальто. Их взгляды встретились, и они немедленно узнали друг друга, но оба поняли, что показывать этого нельзя. Малум бросил ему несколько серебряных лордилов, вошел и начал спускаться по лестнице туда, где было относительно тепло и терпкие запахи усиливали невесть откуда взявшуюся клаустрофобию.

С годами такая работа давалась ему все труднее, но эту, он чувствовал, ему необходимо было сделать самому.

Тиндар Лезальт владел несколькими борделями в элитных кварталах Виллирена, которых было не так много. Еще он проворачивал разные аферы, тоже не много, не больше, чем игорных дел, которые Малума совершенно не интересовали. Те, кто знал, как искать, могли найти его каждую вторую ночь в подвальном помещении одного из его борделей, который специализировался на женщинах из местных племен, что вызывало у Малума куда больше отвращения. Этим женщин вырывали из родной им среды и подкладывали под бизнесменов и бандитов, которые трахали их, а потом пили импортную водку, делились впечатлениями о том, как они их трахнули, и вспоминали добрые старые времена.

Малум сам был не из таких, не имел к ним никакого отношения и считал, что они просто позорят само имя бандитов. Кое-кто полагал, что Тиндар занимался секретными и дорогостоящими операциями по усовершенствованию культистами человеческого тела. Ходили и еще более темные слухи о пересаживании людям частей тел животных, о том, что такие эксперименты оплачивались из имперской казны, и о целых поселках комбинированных людей, разбросанных якобы по всему архипелагу. Малум мог в это поверить, ему доводилось видеть такие образцы, явно носившие следы вмешательства, причем иногда настолько жуткие, что куда там до них искусственно выращенным тварям, с которыми он дрался в подземелье. На Джокулле и Маоуре, за пределами империи, были такие отдаленные деревни,

где подобные полукровки и квартироны пугали даже друг друга, ковыляя на искалеченных ногах из хижины в хижину.

Все эти сомнительные предприятия были лишь малой толикой того, чем занимался обычно Тиндар, но не за это Малум собирался его убить.

Три двери по коридору, последняя слева. За ней шум: взволнованная болтовня, визгливый смех. Малум вошел, боком скользнув в проход. Внутри старики в масках играли в карты при свете зеленого биолюма. Другие клиенты пили у бара, где пронырливый культист старательно убеждал их купить реликвию, заряженную его несовершенной магией, из-за чего покупатели могли расстаться впоследствии с рукой, ногой, а то и с жизнью. Малум прошел на середину, словно собираясь сесть за стол, и остановился. Вдоль одной стены стояли клетки, в них сидели псы, выведенные специально для клеточных боев: громадины, помесь то ли с джилами, то ли еще с кем, некоторые с двумя головами и мощными клыками. Глядя на них, легко было поверить в слухи, ходившие о хозяине заведения. Деньги в таких полуправильных местах переходили из рук в руки даже быстрее, чем наверху, в городе. *Здесь они просто испаряются из карманов.* Взгляды всех собравшихся устремились к Малуму; были среди них знакомые лица, иных он видел впервые.

Вон он, там. В углу комнаты две полностью одетые рыжеволосые шлюхи буквально оседлали мускулистого мужика в коричневых брюках и с голым торсом, прикрытым лишь дорогим жилетом, – это и был сам Тиндар. Он глядел на Малума с улыбкой, которая могла означать как то, что он знает, кто перед ним, так и совершенно обратное. На мгновение в комнате стало тихо.

Малум сделал жест, и шлюхи кинулись к бару. Из его рукава выскользнул нож. От ярости Малум оскалился, выставив клыки. «Контролируй себя, контролируй!» – осадил он себя, а тем временем человек в углу так вжался в свое кресло, что едва не стек на пол сквозь спинку.

– Какого хрена ты надумал? – запинаясь, проговорил он.

Малум вонзил нож человеку в грудь и рассек его от плеча до бедра; борозда, оставленная клинком, соблазнительно заблестела, но он не собирался пить кровь этого ублюдка. Малум снова провел ножом наискось от другого плеча до бедра, нарисовав на его груди крест.

Выпучив глаза, Тиндар ухватился за свои выпадающие внутренности.

Тощий симпатичный мужик в черном, возможно сын убитого, кинулся вперед, вопя:

– Держи его!

Малум, шипя и скалясь, дважды взмахнул клинком, оставив на нападавшем глубокие раны. Схватив его за запястье, он с размаху ударил его головой в голову, так что у того показалась кровь над глазом. После этого он резко вогнал ему в рот свой меч и сразу выдернул, и человек повалился на пол с криком, навеки застывшим на его лице.

Малум приготовился бежать, но никто больше не пытался напасть на него.

Все прикидывались, что ничего не видели; одни смотрели на собак в клетках, другие сосредоточились на картах или выпивке, сконфуженно ежась в тусклом свете. Только лица девушек выражали тревогу.

Назад к лестнице, снова на улицу, на холод, оскальзываясь на льду, за угол – и Малум скрылся.

Опершись рукой о стену, он сбросил маску, и она загремела по камням мостовой. Малум набрал полную грудь воздуха и привалился к стене, прижав пылающий лоб к холодному камню. Внутри у него все так и пульсировало от прилива адреналина.

Приложив ладонь ко рту, Малум ощупал клыки так, словно пытался запихнуть их назад, в челюсть, отрицая ту половину своей природы, что не была вполне человеческой. Когда на него накатывала ярость, он терял контроль над собой и в таком состоянии стано-

вился опасен даже для себя. Он очень страдал от своего полувампиризма, но ему почти всегда удавалось держать темные страсти под спудом. Много лет подряд состояние абсолютной человеческой нормальности оставалось для него недостижимой мечтой. Вот почему после каждого убийства ему приходилось заново перенастраивать свой мозг, стремясь лишь к одному – снова стать как все.

Малум целеустремленно зашагал к дому, сбросив по дороге приметную шляпу и шарф. *Три тысячи человек под моей командой, и все равно некоторые вещи приходится делать самому.*

Тиндар имел наглость похвастаться членам банды «Кровь», что он организует бизнес, основанный на детской проституции. Десятки исковерканных невинных жизней, юных умов, развращенных причудами влиятельных граждан. Вот поэтому Малуму понадобилось разделаться с Тиндаром самому.

Малум коротко кивнул паре бритоголовых ветеранов – наемным охранникам в штатском, мужественным и основательным на первый взгляд.

– Сэр. – Они внимательно оглядели его самого, потом прилегающие к дому улицы. Постоянно настороже, как и учил их Малум, поскольку всегда найдется кто-нибудь, кому может понадобиться его жизнь.

– Вечер, – неразборчиво буркнул Малум. В горле у него пересохло, будто с похмелья, после недавнего убийства. Он испытал облегчение, снова оказавшись у себя на Рю Уна, богатой улице в глубине Старого квартала, осененного тенями Ониксовых Крыл при луне.

Оставалось надеяться, что она не станет задавать вопросов, по крайней мере сегодня.

Большое беленое строение выросло перед ним. Дом. По стандартам Виллирена прямо-таки дворец – настоящие давно превратили в груды щебня нерадивые застройщики, ничего не понимавшие в архитектуре. Иногда он даже казался себе аристократом: в его банде была своя собственная милиция, десятки мужчин и женщин, готовых без лишних вопросов выполнить любой его приказ; верность его людей не вызывала сомнений, а ведь этим могут похвастаться далеко не все землевладельцы. Деньги текли через его руки день и ночь, его жена – красивая, умная и талантливая женщина.

И все равно все было не так, как раньше.

Малум вошел и, глубоко вздохнув, скинул плащ. Боль прострелила ему ноги, когда он поднимался по лестнице. Он упал в глубокое кресло с темно-красной обивкой в большой комнате второго этажа и с небрежной гордостью оглядел свой роскошный дом. Две высокие вазы поблескивали в косых лучах луны, падавших сквозь потолочный люк. Он приобрел их несколько лет тому назад, когда число членов его банды достигло пятисот человек. Говорили, будто эти украшения были изготовлены еще во времена короля Халлана Хельфена, того самого, который одиннадцать тысяч лет тому назад построил Виллджамур, еще до начала череды императоров. Он был первым правителем, подписавшим с культистами договор о прекращении боевых действий между ними, и якобы некоторые их технологии были использованы при изготовлении этих vaz.

Сказать по правде, Малум плевать хотел на это. Просто они были красивые и подходили к убранству его дома. И кто сказал, что бандитом быть невыгодно? Он надеялся приобрести антиквариат эпохи Шалафар, – а с тех времен прошло сорок тысяч лет – просто для того, чтобы похвастаться. *Я лучше других.* Предметы эпохи Матем встречались еще реже, но он не терял надежды.

Он плеснул в хрустальный стакан рома «Черное сердце» и воспользовался короткой передышкой, чтобы подумать о будущем. Ходили слухи, что уличным бандам предлагают вступить в союз с ночными гвардейцами для защиты города в случае войны. Поговаривали, что и деньги заплатят хорошие, не подачку какую-нибудь, а столько, что большинство его

людей много лет не будет знать нужды. Платить будут ямунами, ни больше ни меньше. А через бейлифа до Малума дошли слухи о намерениях частных компаний обратиться к нему как опытному человеку в деле оказания давления на массы, чтобы приструнить своих работников. *Дельце может оказаться грязным.*

– Мне показалось, я слышала, как ты вошел.

Беами стояла у входа в спальню, укутанная в толстое одеяло, как огромное насекомое в кокон. Не было никакой нужды так кутаться, и его это раздражало, ведь он потратил уйму денег на установку в доме новейшей системы отопления с использованием огненного зерна. Гладкие волосы жены с прямо остриженной челкой искрились даже при слабом свете, который творил чудеса с чертами ее лица. Ее глаза впитывали темноту, тени залегали в ямочках над ключицами, подчеркивали округлость носа, мягкую лепку полных губ. Он ее обожал.

Или нет?

Только она – та единственная причина, по которой он еще оставался нормальным, во всяком случае пытался. Беами была умной, а еще высокой и привлекательной. *Значит, мне полагается что-то к ней чувствовать, так? Так, и я хочу что-нибудь чувствовать.*

Беами вздохнула:

– Почему ты не ложишься? Или у тебя был поединок?

– Ага, – солгал он. Поединок был вчера; сегодня было дело.

– Ты никогда больше не приглашаешь меня на них.

– Ты не просишь.

Проводя продуманную политику скрытности, он не посвящал ее в свои дела. Она знала лишь о боях, в которых он участвовал забавы ради: надо же было как-то объяснять периодически появлявшиеся у него шрамы. Он считал важным разделять разные аспекты своей жизни – семья отдельно, бизнес отдельно. Это тоже помогало сохранить нормальность. Он и не надеялся, что она поймет, в чем его нужда.

– А я выиграл, – заявил он.

– Какой ты чемпион, – зевнула Беами. Когда-то ее сарказм приводил его в восхищение, но теперь ее привычно-пренебрежительное отношение к нему и его делам все больше раздражало. Забавно, как мелочи, которые вначале нравятся, потом начинают бесить. – Ты спать идешь?

Тут, словно для того, чтобы подчеркнуть наступившую паузу, отопительная система зашлась лающим кашлем, как больной пневмонией старик, – где-то затянуло в трубу горящее огненное зерно. *Чертовы работнички, руки бы им оторвать.* Дом содрогался от подвала до крыши, словно живое существо.

– Сейчас, отдохну немного. Скоро приду.

Беами вымученно улыбнулась в ответ, ее взгляд оторвался от его лица. Ей не сразу удалось произнести:

– Хочешь попробовать сегодня снова?

– Может быть.

И она ушла, оставив его утешаться ромом и дорогими вещами. В прошлый раз, когда они пробовали... все кончилось нехорошо. Как всегда.

А потом на меня накатывает ярость, и я изо всех сил стараюсь не превратиться прямо у нее на глазах...

Прошло немало времени, прежде чем он поднялся со стула, поборов свою лень, усталость или что там еще. Медленно, словно больной, направился в спальню. Она была там, лежала на огромной кровати и казалась такой хрупкой среди всех этих одеял и покрывал, с разметающимися по подушке волосами. Он сбросил сначала сапоги, затем одежду, взобрался рядом с ней на кровать, городские шумы служили фоном их романтической сцене.

Тепло и нежная кожа.

Малум прижался к ней, не зная, спит она уже или нет, а когда Беами повернулась к нему, на него накатил ужас, как всегда в последнее время. Поцелуи никогда его особо не возбуждали, хотя она старалась – целовала его в шею и под подбородком, издавала все звуки, которые, по ее мнению, ему нравилось слышать, постанывала, демонстрируя удовлетворение, словно для того, чтобы поддержать его уверенность в себе. Ее ладони скользили по его голой спине.

Ничего, никаких ощущений.

Он тоже старался; он не просто лежал с ней рядом. Он гладил ее теплый живот, проверял, увлажнилась ли она. Проводя ртом по ее шее, он сопротивлялся искушению впитаться в нее зубами. Он сосредоточенно думал о том, что, по его мнению, ему полагалось испытывать. Так продолжалось некоторое время, движение повторялось за движением, и когда она наконец коснулась его члена, он затаил дыхание в предчувствии...

Ничего. Никакой реакции.

Время перестало быть абстракцией и превратилось во что-то осязаемое, и это вкупе с необходимостью реагировать довело его до предела. Ярость давно уже полыхала в нем, и он не хотел позволять ей вырваться на свободу, но все же не устоял...

– Да оставь ты меня, на хрен, в покое.

Он оттолкнул ее и сам повернулся на бок; он чувствовал, что если не будет видеть ее, то этого не случится. Он весь кипел от гнева, ему хотелось выместить его на чем угодно... Но он все же сдержался. Это было совсем не просто, но он сумел не превратиться у нее на глазах.

Он лежал без сна всю темную ночь, не в силах достичь эрекции, и думал о том, в чем никому не мог признаться, даже ей. Ломал голову над вопросом, который не смог бы задать вслух никому из своей банды, не сгорев при этом от стыда.

Может быть, я уже не мужчина?

Глава четвертая

Рядовой Люпус Бел из Ночной Гвардии проинформировал Бринда, что сегодняшний Виллирен стал совсем иным, чем тот, каким он его помнил, и, принимая во внимание скорость развития городской инфраструктуры и насыщенность строительными проектами, Бринд несколько не удивился тому, что детские воспоминания рядового не соответствовали реальности.

Под непрерывными рядами плоских крыш, на каждой неудобной, запруженной людьми улице мужчины и женщины искали спасения от реальности – каждый по-своему. Раньше так не было, уверял его Люпус. Теперь люди наслушались мрачных новостей, которые доходили с других островов, делаясь еще страшнее при передаче из уст в уста. Так что им оставалось делать, как не пить и веселиться?

Что ни день, то в одном, то в другом углу города, словно двигаясь по какому-то заранее намеченному кругу, открывались и закрывались подпольные распивочные и подозрительные клубы. Всякий, кто был на чем-нибудь двинут, мог найти себе местечко по вкусу. Появилась и новая музыка, в основном похожая на виллджамурскую, только слегка приглаженная, с более замысловатыми мелодиями, с нежными минорными аккордами и вариациями, с чуть усиленным ритмом. Несмотря на мороз, девушки сидели босыми у костров и пили из бутылок холодное пиво. По обледелым нечищеным переулкам гоняли на лошадях, не страшась свернуть себе шею, подростки. Если бы кто-нибудь посторонний заглянул сейчас в этот город, то ни за что не догадался бы, что Виллирен – без пяти минут осажденная крепость и что каждый его житель только и думает, что о надвигающейся войне. Дух фатализма витал над городом, поколение готовилось пойти в расход.

Бринд, не жалея усилий, расписывал свои находки во всех общественных местах города. Недели прошли с тех пор, как ночные гвардейцы впервые повстречали врага на ледяных полях Тинеаг'ла. Армия проделала путь через половину империи, чтобы разобраться в массовых убийствах, которые, по слухам, имели место на этом острове к северу от Виллирена, и столкнулись с настоящим геноцидом. Население острова было практически уничтожено: людей убивали на месте, вырывали прямо из их домов, о чем свидетельствовали кровь на истоптанных тысячами ног дорогах да следы бесплодных стычек с агрессорами. На острове остались лишь старые да малые – да и те в виде трупов, из которых были частично вынуты кости, а мясо выброшено, будто за ненадобностью. В переполненных залах Бринд рассказывал об этом жителям Виллирена, а те ошарашенно слушали его. И все же никто, кажется, не представлял себе до конца, что их ждет.

Бринд провел в Виллирене несколько недель, но так и не понял, что это за город.

Начисто лишенный шпилей и висячих мостов вроде виллджамурских, город казался ему, после долгих лет службы в столице империи, каким-то голым. Все, что находилось на расстоянии мили от Старого квартала, выглядело неинтересным и плоским, словно построенным наспех. Все больше и больше сооружалось многоквартирных домов, их скучные безликие фасады торчали над готическими фундаментами, вырастая над ними с удручающей скоростью.

Еще одним сюрпризом стала для него система отопления. Лутто позаботился, чтобы годы, предшествовавшие Оледенению, не прошли впустую: повсюду были проложены трубы, по которым тепло от сгорающего огненного зерна распространялось по городу – видимо, не без помощи культистских технологий. Теплый воздух, точно кровь по венам, тек под мостовой по подземным коммуникациям, по трубам подавался в дома самых богатых кварталов. Тем временем мостовые на улицах обрабатывались культистской водой – то есть

обычной морской водой, которую культисты сделали во много раз солонее, так что однократная обработка ею любой поверхности препятствовала нарастанию на ней льда в течение нескольких недель.

Прибыли гаруды – правда, совсем немного – и каждый день совершали разведывательные полеты к берегам Тинеаг’ла, над ледяными полями, которые уже почти образовали между двумя островами мост; иногда за ними, лениво помахивая крыльями, увязывались птеродетты. Эти крылатые солдаты не переставали его удивлять: высокие, изящные и в то же время нереальные. Когда они летели низко, с земли хорошо были видны их тускло блестящие доспехи, их перья, все до мельчайших деталей, можно было даже разглядеть мощные мышцы под массивными крыльями. А еще Бринд по два-три раза на дню видел вспышки и слышал грохот брэнна, устройств, используемых культистами для того, чтобы взрывать лед и не дать ему превратиться в сухопутную дорогу между двумя островами, по которой враги придут в город.

И что же теперь? Бесконечное ожидание, во время которого ему только и оставалось, что открывать и исследовать новые и новые причуды этого странного города.

Бринд спускался по укреплениям цитадели в сторону рынков, что лежали между районом Альтинг и Старым кварталом, где эти Ониксовы Крыла застили чуть не все небо. Люпус шел следом. С высоты крепостных стен открывался вид на старую часть города, оригинальную мешанину цилиндрических башен и округлых куполов. Этот уникальный район окружало море плоских крыш, однообразная гладь которого лишь изредка нарушалась тушами огромных складских помещений или фабрик.

Ранним утром торговцы на иренах торопливо ставили палатки, размечая территорию колышками с привязанными к ним цветными лоскутами – красными, синими или зелеными. Потом над ними с треском раскрывались тенты и взмывали вывески, расписанные таинственными знаками на смеси джамура со всевозможными туземными наречиями. Горожане и сами были в основном смешанного происхождения, в их жилах текла кровь обитателей разных островов архипелага. Хотя были среди них и те, кто сохранял верность традициям своего острова: джокулцы, оказавшись так далеко на востоке, демонстрировали ледяную сдержанность и обидчивость; фолкцы были либо избыточно агрессивны, либо безразличны ко всему. И только воры всех племен и народов оказывались универсальны в своих приемах: с видом показной беззаботности и невозмутимости они прогуливались по торговым рядам, готовые в любую минуту прикарманить то, что плохо лежит.

Именно Виллирен, а не Виллджамур был настоящим коммерческим центром империи. Металлы поступали сюда с севера, с Тинеаг’ла, а значит, жители города первыми в империи получали доступ к руде. Отсюда и превосходное качество товаров, которые производились здесь, на Й’ирене, а после продавались по всей Джамурской империи, и прежде всего в Виллджамуре, ее столице, столь удаленной от Виллирена, что там никогда толком не представляли, чем и как живет этот город. Особенности изготовления товаров позволяли безошибочно определить производителя по характерным признакам. Именно здесь, и нигде больше, вырабатывали уникальные ткани невиданных расцветок, варили металлические сплавы, которые резонировали только на определенную высоту тона, а потом продавали их в других городах, где товары из Виллирена ценились едва ли не на вес золота. Виллирен представлял собой бренд.

Командующий не мог сказать наверняка, отвлекали жителей Виллирена эти побрякушки или дело было в чем-то другом, но они явно не реагировали на грядущее Оледенение так, как обитатели других городов, да и о войне как будто не особенно задумывались. Но такова жизнь: повседневные мелочи всегда занимают людей больше, чем события апокалиптического масштаба.

Этот город нисколько не походил на тюрьму. В сущности, это было главное, что отличало его от Виллджамура, – отсутствие городских стен, ощущение полной свободы. Городские улицы уползали в сторону юга, где постепенно растворялись среди полей или в лесной чащобе. Никаких палаточных городов для беженцев, как в столице империи. Правда, Бринд был убежден, что они все равно живут в скученности и нищете где-нибудь внутри городской общины, размещенные в огромных многоквартирных домах, подальше от фешенебельного центра.

Некоторые торговцы топили возле своих лотков небольшие печурки, чтобы прохожие, останавливаясь погреться, соблазнились и покупали что-нибудь. Повсюду лежал снег, он был на крышах, на пирамидах из ящиков, скапливался вдоль стен домов. Люди в мехах, а некоторые в масках бродили по рядам в поисках свежайшей рыбы последнего улова, а еще на рынке было на удивление много мяса, что, учитывая обстоятельства, в которых жил город, совсем не укладывалось у Бринда в голове.

Тут его взгляд привлекли трое.

Они кучкой жались в углу, рассматривая что-то на земле, а люди текли мимо них в одну сторону и в другую, кто на ирен, а кто в направлении старой гавани.

Когда солдаты приблизились к подозрительной группе, женщина подняла голову и отсалютовала им. Она была тощей и долговязой, морщины придавали ее лицу выражение неизбыточного удивления. Однако выглядела она в общем и целом приятно, в твидовом плаще с заляпанным грязью подолом, под плащом прекрасно скроенная туника из тех, которые давно уже вышли из моды. Одной рукой женщина прижимала к себе толстую книгу в коричневом кожаном переплете.

Она поздоровалась с Бриндом:

– Селе Джамура, сэр!

Двое других резко подняли головы. Один оказался усатым коротышкой в кепке, с серьезной физиономией; второй был полностью лыс, коренаст и вид имел свирепый. Оба были одеты в несколько слоев одежды из коричневого твида, и ни один из них нисколько не удивился, увидев альбиноса Бринда, к чему тот совершенно не привык.

– Селе любого времени дня, – произнес коротышка приветствие, в стародавние времена бывшее в ходу по всей империи, и Бринд уловил в его речи сильнейший акцент, но вот какой местности, не распознал.

– Селе Джамура. Можно поинтересоваться, чем вы тут заняты? – спросил Бринд.

Рослая женщина, явно предводительница этой группы, шагнула вперед с ясной улыбкой на лице:

– Мы занимаемся изучением древних лей-линий, дорогой сэр. – Судя по ее голосу, уже утратившему молодую звонкость, старуха кокетничала. Быстрым движением руки она указала на треногу, стоявшую у самой стены и, судя по металлическому блеску и наличию шкал, являвшуюся реликвией. На ее вершине был закреплен некий измерительный инструмент, ориентированный по едва видимому свету встающего за пеленой туч красного солнца. Культисты, точно.

– Ничего противозаконного нет? – спросил Бринд, бросая взгляд на Люпуса. Рядовой уже вскинул свой лук, просто так, на всякий случай. Выглядела эта троица вполне безобидно.

– Ты слышал, Абарис? – Старуха повернулась к кепке, и ее лицо расплылось в улыбке.

– Пф! Противозаконного, говорит, – отозвался Абарис. – Не, парень, ничего такого. Просто экспериментируем с кое-какими технологиями древних, мировыми линиями и прочим. На этом острове уцелело немало старых сказок – мифов и всякого такого. Вообще-то, мы думали, что сможем принести кое-какую пользу: у города ведь скоро будут серьезные неприятности.

Лысый молчал, как воды в рот набрал.

– Сами-то мы из ордена Седых Волос, вот! – заявил Абарис. – Последние культисты разных малых сект. Объединенные тем обстоятельством, что... ну, в общем, остальные наши собратья вымерли, так можно сказать. Остались только мы, старики да старухи. К вашим услугам!

Бринд с Люпусом переглянулись, и рядовой поднял брови, с трудом пряча улыбку.

– Полагаете, вы сможете оказать нам помощь в грядущей войне? – переспросил Бринд. – Оружие в руках держать умеете? Если да, то и вам место найдется, крепкие руки нам очень даже пригодятся.

– Должна признаться, от оружия нам никогда проку не было, – заметила женщина. – Но и гореть раньше времени на погребальном костре нам тоже неохота. Вот вам наша визитка. Наша берлога тут недалеко – на той стороне Старого квартала, так что в случае нужды милости просим.

– Очень хорошо. – Бринд улыбнулся и сунул визитку в карман, даже не взглянув на нее как следует. – Что ж, продолжайте ваши изыскания. Как знать, быть может, и ваша помощь нам пригодится.

Бринд качнул головой, отвернулся, и они с Люпусом продолжили свой путь, а три пожилых культиста еще долго глядели им вслед, стоя бок о бок.

Ночные гвардейцы шагали по городу, размышляя о том, не стоит ли в самом деле привлечь к обороне города культистов. Однако эта публика славилась своей ненадежностью, за исключением тех, кто имел связи в имперских структурах, но даже тем из них, к чьей помощи военные время от времени прибегали, нельзя было полностью доверять. А уж эта троица выглядела совсем чокнутой. Нет, полагаться следует только на твердые факты и основательные предположения, а к культистам обращаться в самую последнюю очередь, да и то лишь в том случае, если они умеют делать оружие или что-то вроде.

Гигантские трилобиты размером с собаку, треща панцирями, бродили по улицам и рылись в отбросах в поисках пищи. Завидев людей, они бросались врассыпную, бешено вращая усиками и испуская тревожные пронзительные звуки, и укрывались в ближайшей подворотне. К югу от Виллирена эти твари не встречаются, и на чужбине ему всегда не хватало их экзотического присутствия. Неподалеку торговали их панцирями: люди с деньгами, но лишенные вкуса, охотно покупали изделия из них в качестве декоративных доспехов.

Бринд неоднократно говорил Люпусу, как важно, чтобы люди видели гвардейцев в городе именно сейчас, в это наиболее тревожное для них время. Жители улыбались им, старики норовили потрепать по плечу, а молодежь, не скрывая восторга, разглядывала лучших в империи солдат, прибывших сюда, чтобы оказать им поддержку. У них была одна задача – воплощать собой стабильность, своим присутствием убеждать людей в том, что все будет в порядке, даже если на самом деле это далеко не так. Однако в городе все, казалось, сохраняли неколебимое спокойствие; во всяком случае, когда он спрашивал у местных, что они думают об Оледенении, те только пожимали плечами.

Один торговец так выразил царившее в городе настроение:

– У всех свои проблемы, верно, командующий?

– Какого барахла здесь только не купишь, правда? – заметил Бринд, указав на экзотическую керамику, украшения, халцедоновые бусы, пестрые шарфы. В этом разнообразии прослеживалось влияние самых разных ремесленных традиций – от иноплеменных, с островов Блортат, Фолк и даже Варлтунг, до древних, таких как орнаменты эпох Шалафар и Матем, с их одержимостью математической точностью.

Пригладив ладонью бесцветные волосы, Бринд продолжал:

– Странное тут место. Я имею в виду, что здесь, совсем рядом с морем, улицы такие узкие и, казалось бы, старинных домов должно быть не счесть...

Люпус резко повернул голову и впился взглядом в толпу.

– Проблемы? – спросил Бринд и небрежно опустил руку на эфес своего меча.

– Нет, – выдохнул Люпус. – Так, ерунда.

– Судя по твоей реакции, совсем не ерунда, – проворчал Бринд. – Второй Хауст нам не нужен. Еще не хватало, чтобы ты пропал. В ближайшие недели без нашего лучшего лучника мы будем как без рук.

Со дня исчезновения рядового Хауста прошло уже много времени, и в этом крылась еще одна причина, почему ночные гвардейцы так внимательно патрулировали этот район города. Хотя инквизиция и подключилась к работе над этим случаем, лучше все-таки и самим держать ушки на макушке: вдруг да и попадется где-нибудь какая-нибудь улика – сапог, обрывок ремня – или найдется кто-нибудь, кто говорил с рядовым незадолго до его исчезновения.

– Нет, правда чепуха, сэр, – ответил наконец Люпус. – Просто мне показалось, что я вижу знакомого... Прошу прощения, сэр. Давайте пойдем дальше.

Время от времени в глаза Бринду бросался то фрагмент чужеродной каменной кладки, то стена, стоявшая как будто не на своем месте, а то и целое здание, всем своим обликом напрочь разрушавшее архитектурную целостность квартала. Так сказывался возраст города. Командующий был постоянно занят тем, что изучал планировку улиц, оценивал их на предмет выгодности той или иной позиции для ведения боя, высматривал зоны потенциального затишья, подмечал, где каменная кладка держится прочно, а где вот-вот обвалится. Они все занимались этим уже несколько недель, готовясь к войне. По донесениям разведки, враг сосредоточил большие силы на берегу соседнего острова, откуда, по всей видимости, планировал перебраться на Й'ирен по морю. Если разведчики не ошиблись, основные бои придется вести именно здесь, в городе, а не на открытом пространстве, как они привыкли.

– Люпус Бел.

Бринд осторожно оглянулся; молодой солдат, кажется, узнал голос раньше, чем увидел его обладательницу. Рядом с ними остановилась женщина – высокая, почти как сам Люпус. На ней было меховое коричневое пальто, теплые сапожки, гладкие черные волосы рассыпались по плечам, глаза глядели из-под прямой челки.

Бринд с любопытством наблюдал за Люпусом. Рядовой как будто помолодел прямо у него на глазах.

– Беами, – залепетал он. – Мне показалось, что это ты. Я сразу понял...

– Я тоже, я...

– То есть я знаю, что раньше ты жила здесь, но не сейчас. Мне просто показалось.

– Нет, я тоже тебя видела, – сказала темноволосая женщина. – Поэтому я и вернулась.

Бринд обратил внимание, что Люпус лихорадочно обдумывает ответные слова, но не может найти подходящих, сбитый с толку неожиданностью встречи.

– Мог бы хотя бы улыбнуться, – заметила Беами. – Я ведь не сильно изменилась, правда?

– Извини. – Люпус засмеялся совершенно искренне. – Сколько лет прошло?

– Шесть... семь лет. – Она тронула его за руку, непреднамеренно, просто по старой привычке быть с ним рядом. Оглядела его форму, аккуратные стежки швов, погладила звезду на его груди. – Ты преуспел, я вижу. Ты ведь всегда мечтал стать ночным гвардейцем.

– А ты? Как... ты живешь?

– Хорошо. Я теперь... гм... замужем, но у меня все хорошо, – ответила Беами. – Все так же работаю с реликвиями... ну, ты знаешь.

– Ты счастлива? То есть... извини, я хотел сказать, надеюсь, что ты счастлива.

Бринд кашлянул в кулак. Хватит разговоров, они все-таки на дежурстве.

Люпус робко глянул на него:

– Извините, я совсем позабыл о хороших манерах. Беа, это мой командир, Бринд Латрея, командующий Ночной Гвардией.

– О боже мой! – Беами разглядывала командира. – Командующий вооруженными силами Джамурской империи. Таинственный альбинос. Я столько о вас слышала.

– Ничего особенно ужасного, надеюсь. – Бринд улыбнулся. – Селе Джамура, мисс.

– Селе Джамура, командующий. – Она слегка оробела; обычная реакция всякого, чей взгляд впервые встречался со взглядом его красных глаз.

– Командующий, это Беами Дел. Мы с ней знакомы давным-давно, мне было тогда шестнадцать.

– Рад познакомиться с подругой моего подчиненного. Он отличный солдат, этот молодой человек, один из лучших, с кем мне приходилось служить. К тому же самый молодой в Ночной Гвардии.

Все трое обменялись натянутыми улыбками, а мимо них продолжали течь по тротуару местные жители. Кое-кто останавливался посмотреть на двух мужчин в добротной черной форме, разговаривавших на улице с красивой, хорошо одетой женщиной. Время как будто вздрогнуло и остановилось.

– Нам надо еще заказать мяса, – напомнил наконец Люпусу Бринд, – для армии. Я слышал, что где-то недалеко завалили мастодонта, и послал приказ, чтобы нам доставили вырезку. Конечно, у нас еще есть свои припасы, но вскоре нам понадобятся силы.

– Вы правы, сэр, – согласился Люпус, не сводя глаз с Беами.

Лица всех, кто был на улице, обратились к небу.

Над ними низко летел гаруда, мелькая коричневым, белым и красным цветами оперения и формы, потоки воздуха, создаваемые его крыльями, заставляли трепетать навесы над прилавками, но вот он свернул к морю, выбрался туда, где в небе не было домов, набрал высоту и скрылся в направлении Тинеаг'ла.

– Если ты живешь здесь, в городе, – сказала Беами, – то можешь найти меня в Старом квартале, на улице под названием Рю Уна. Навести меня там. Послезавтра я свободна, так что мы могли бы встретиться, если, конечно, у тебя найдется время.

– Не знаю пока, какой у нас распорядок... командир?

– Я весь день буду на собраниях, учения у нас не запланированы, – отвечал Бринд. – Так что несколько свободных часов у тебя будет. Наше дело сейчас – ждать, и только.

Люпус поглядел на нее снова, его взгляд был полон жадного ожидания.

– Так, значит, до послезавтра?

– Мой дом прямо у Ониксовых Крыл, белёный такой, с красной дверью. – Она сделала движение, точно хотела его поцеловать, но потом отпрянула, передумав. Уходя, шепнула ему на ухо: – Я по тебе скучала.

Бринд прочел по ее губам, что она сказала, и ему показалось, будто она произнесла это с болью. Она отвернулась и ушла в толпу, в которой вскоре и затерялась.

Глава пятая

На архипелаге, куда бы ни ехать, все города более или менее одинаковы. Независимо от того, кто и где строил дома, обитатели в них, на взгляд Джерида, везде были одни и те же. Бродяги, оборванцы, пьяницы и те, у кого они повсеместно вызывали одну и ту же реакцию – отвращение. Везде были те, кто в чем-то нуждался, и те, кто мог или не мог это получить. Но то и дело встречалось немного счастья – например, в улыбке ребенка, – и это нравилось всем.

Вдобавок к тем пижамным штанам Мариса купила Джериду новую шляпу – такую широкополую, что ее то и дело подхватывал с его головы ветер; но шляпа была стильная и, как ему казалось, придавала внушительности его манерам, сообщала им классность, что ли. В конце концов, ему, новому следователю, только что прибывшему из Виллджамура, нелишне было бы произвести кое на кого впечатление.

Итак, новый город и новое начало.

Перед тем как покинуть Виллджамур, он поговорил с парой достойных доверия коллег из самых верхов инквизиции, чтобы те устроили ему немедленный перевод из столицы куда-нибудь и тут же отправили его туда на ближайшем корабле. Вот только корабль очень скоро уткнулся в мощные ледяные поля, так что остаток пути ему пришлось трястись на грязной и невероятно упрямой лошади. Но и с ней ему не повезло. Марисе досталось нормальное животное, а вот его кляча охромела, не пройдя и половины дороги по прибрежным тропам, так что пришлось потратить два дня на поиски замены, после чего он еще умудрился заблудиться.

Вот почему, когда они с Марисой подъезжали наконец к Виллирену, Джерид был порядком взбешен. По суше они почти все время ехали через тундру; кругом только снег да сухая мерзлая трава, пронзительные птичьи крики в бесконечном небе, стремительные кроваво-красные закаты, жгучие ледяные ветра, злобно дувшие с моря. Слоистые серые облака, которые ложились друг на друга внахлест, постоянно обещая снег, но так и не выполняя своего обещания, – такова была жизнь в этих местах.

Однако только здесь, на дальнем севере, Джерид мог быть уверен в том, что его не отыщут за его недавние подвиги в Виллджамуре, к тому же, как он знал, в Виллирене инквизиция испытывала недостаток в сотрудниках.

Его новое жилье располагалось в самых недрах Старого квартала. Он был удивлен тем, как хорошо жила в Виллирене инквизиция, хотя сам же цинично предположил, что без взяток и небольшого вымогательства такой образ жизни поддерживать вряд ли возможно. Для работы ему предоставили простенький кабинет с каменными стенами, письменным столом, парой стульев, скамьей и камином да еще подборкой книг по джамурскому праву, со вкусом расставленных на небольшой подвесной полке. «Нежилой какой-то», – отметил про себя Джерид, войдя туда впервые. В узкую бойницу виднелся краешек громадного Ониксова Крыла. Эта помпезная пара помещалась совсем рядом со зданием инквизиции, и из-за них ему всегда казалось, будто какая-то доисторическая тварь присела за его окном и вечно пытается взлететь. На фоне крыла и позади него так же вечно шел снег, падая с серых небес на мокрые крыши.

Едва он сел, положив перед собой на стол шляпу, раздался стук в дверь. *Как всегда.* Но может быть, это помощник, которого Джерид просил прислать ему еще пару дней назад, чтобы тот познакомил его с городом. Надо было разобраться хотя бы в прилегающих окрестностях. Джерид не знал, сколько времени он тут пробудет, но адаптироваться все же стоило. В конце концов, если он хочет произвести впечатление на коллег и начальство, очистив от преступного элемента хотя бы пару улиц, неплохо для начала узнать, где эти улицы расположены.

Громко вздохнув, он встал и пошел к двери.

За ней стояла молодая женщина. Черные, забранные назад волосы, высокий лоб, тонкое бледное лицо и темные губы – что-то в ее внешности выдавало принадлежность скорее к островам, чем к Бореальскому архипелагу. Ей вряд ли было больше тридцати лет, а ее хрупкая фигура терялась под коричневым плащом и толстой простой юбкой. Он понял, что она хорошенькая, хотя сам не был ценителем этой тонкокожей человеческой красоты. За ее спиной по коридору прошел следователь в маске. От этой здешней моды Джерида брала жуть.

– Селе Джамура, мисс. Чем могу служить?

– Селе Джамура, следователь, – ответила женщина, поразив его своим неожиданно глубоким голосом. – Дело не в том, чем вы можете помочь мне, а в том, какую помощь могу вам оказать я. Я ваша новая помощница, сэр.

Женщина – помощник инквизитора? Это показалось Джериду сомнительным. Однако он не мог вспомнить ни одного конкретного правила, запрещавшего женщинам службу в инквизиции, хотя, конечно, предпочтение всегда отдавалось мужчинам. Не то чтобы он был против службы женщин в инквизиции в принципе, просто, к добру или к худу, представление об инквизиции как о сугубо мужском общественном институте давно уже вошло в традицию.

– Вы, наверное, ожидали, что вам пришлют мужчину, я понимаю ваше изумление, но я всегда хорошо справлялась со своей работой. Мне сказали, что вы из Виллджамура, великопленный следователь и взятки не берете... А я хочу учиться у лучших из лучших.

Чего еще можно было ожидать от молодости и наивности, кроме подобной лести. Ах, знала бы она, до какой степени не в своей тарелке он себя чувствует и какой у него в душе разлад со всем миром. Черт, да он и самого себя понимает с трудом!

– Пожалуйста, входите, присаживайтесь.

– Спасибо. – Она прошла мимо него, и от нее повеяло ароматом – смесью ванили с мускусом. Шагала она упруго, хотя и с небольшой заминкой, точно оправлялась от хромоты.

Прежде всего он спросил ее имя.

– Нандзи.

– Какое красивое и необычное имя. А я, как вам известно, следователь Румекс Джерид, только что прибыл в ваш город. В инквизиции Виллджамура прослужил сто восемьдесят лет и много разного повидал за это время.

Мысль о том, что кто-то хочет у него учиться, быстро пришлась ему по нутру. Она придавала новое содержание обычным повседневным делам и процедурам, и он скоро думать забыл о том, что она – это *она*.

– Хороший следователь, – продолжал Джерид, – никогда не стоит на месте. Он никогда не принимает то, что ему удалось узнать, за истину в последней инстанции. Так и во всем в жизни. Те из нас, кто готов принимать новое, живут дольше, те, кто нет... остаются гнить в забвении.

Она кивнула, достала небольшой блокнот и принялась записывать. Так продолжалось минут пятнадцать: он делился с ней мудростью, накопленной за долгие годы службы, а она записывала детали, которые могли пригодиться, а могли и не пригодиться им впоследствии. Но сообщить их все равно было нужно, хотя бы для того, чтобы Джерид мог наконец выговориться и частично привести в порядок свой внутренний мир.

Нандзи начинала нравиться Джериду все больше и больше. Он рассказал ей о том, что обещало стать его первым делом в этом новом городе, – о визите в его квартиру альбиноса-командующего и об исчезновении солдата. Она выслушала его молча.

– Больше всего мне нужен сейчас человек, хорошо знающий город, – признался Джерид. – Вы с этим справитесь?

– Я сама живу здесь всего несколько лет, – поведала Нандзи, – но за это время в городе не осталось ни одного закоулка, ни одного камня в мостовой, ни одного угла и ни одного клочка паутины, в который я не заглядывала бы.

– А вам никогда не хотелось уехать отсюда, ведь, кажется, будет война? – Джериду вдруг стало очень любопытно, почему люди вообще живут в Виллирене.

– Куда же мне ехать? – вопросом на вопрос ответила она. – В тундре в такую погоду долго не протянешь. Другие города чужих не пускают, так что Виллирен – это единственное, что у нас есть. Здесь, возможно, не очень красиво, зато этот город дает нам всем чувство принадлежности, даже цель в жизни, если хотите. А с ними и гордость. Сюда давно уже стекаются иммигранты – со всех восточных островов. Я и сама нездешняя, семьи у меня нет, а этот город – идеальное место для таких, как я, для тех, кому приходится выстраивать свою жизнь заново.

Джерид задумался над ее словами. Возможно, он поторопился выносить этому городу оценку, поспешил заявить, что ему не хватает души. В конце концов, как он сам говорил, тот, кто готов к переменам, в целом справляется с ними лучше других.

Пока они выходили на улицу, направляясь к цитадели и армейским казармам, Джерид расспрашивал Нандзи о ее семье, о родине и обнаружил, что она много путешествовала по архипелагу, хотя одно время нашла себе партнера и осела. Нандзи продолжала прихрамывать, довольно заметно, и Джерид поневоле задумался, где и как она получила это увечье.

– Ранение по службе?

Пауза, взгляд словно издалека.

– Несчастный случай, много лет назад. До сих пор болит, если честно, но сейчас мне уже гораздо лучше, чем прежде. Да и работа у меня здесь хорошая – физических нагрузок никаких, в то же время я много двигаюсь. Движение помогает забыть о своих проблемах, которые, кстати сказать, ничтожны по сравнению со многим из того, что случается видеть тут, в Виллирене.

– Благородное замечание. А в инквизиции давно служите?

– Не очень. Тот несчастный случай помог мне осознать, как коротка жизнь, вот мне и захотелось сделать что-нибудь хорошее, служить городу. Я хочу помогать всем, кому смогу, служить людям. Здешняя инквизиция не так профессиональна и не так благонамеренна, как мне хотелось бы, вот я и стараюсь сделать ее хоть чуточку лучше.

– Хороший следователь, – провозгласил Джерид, – всегда стремится к благим целям. В конце концов, когда закон туманен и толковать его можно по-разному, все, на что он может опереться, – это собственные чистота и честность.

– В здешней инквизиции довольно свободные нравы, – заметила Нандзи, – даже слишком. Одни преступления так и остаются нераскрытыми, другие никто даже не расследует. Наступающее Оледенение изменило наши приоритеты, мы теперь заняты больше административными делами. Множество дел еще ждут своей очереди на расследование. Румели, которые служат здесь следователями, просто утратили интерес к работе, вот и все. Да из-за скорой войны на многие дела тоже приходится закрывать глаза. Кражи со взломом замалчивают, насильников не ищут, – кстати, женщинам в здешнем обществе приходится особенно тяжело, – хотя во многих племенах аборигенов бывает и хуже. Обстоятельства трудные, но я стараюсь, как могу. А тут еще люди пропадают...

– Люди пропадают всегда и всюду, – заметил Джерид. – Хороший следователь это знает. И начинает всегда с источника информации, потому что, если человек задумал скрыться, он обязательно это сделает. Легче легкого устроить так, чтобы тебя никто никогда больше не видел. А источник обычно проговаривается и дает следователю понять, не зря ли он тратит свое время.

– Или она.

– Кто она? – переспросил Джерид, несколько озадаченно.

– Не зря ли он или она тратит время.

– Верно, – согласился он.

– Ладно, – продолжила молодая женщина. – Вот почему я так обрадовалась, когда узнала, что к нам едет следователь из Виллджамура. Мне очень хочется набраться у вас опыта, но я не знаю, почему вы покинули столь престижное место и приехали к нам сюда.

– Иногда у нас просто не остается выбора, Нандзи, кто-то делает его за нас.

А эта дыра была единственным местом, где я мог надеяться получить работу, да и то в основном благодаря наплевательскому отношению ее жителей к законам империи.

По дороге к казармам Нандзи то и дело останавливалась, чтобы представить Джерида то торговцу, то хозяину трактира, за что следователь был ей благодарен, ведь он хотел примелькаться, стать для местных своим. Он обращался к ним по-дружески, и они охотно болтали с ним. Одна женщина, владелица магазина тканей, даже предложила ему взятку, заметно волнуясь.

Крышуют у них тут, что ли? Нандзи, конечно, упоминала, что такие выкрутасы не редкость, но неужели в них замешана инквизиция?

Последний отрезок пути они любовались потрясающим видом, в котором смешались различные оттенки белого и серого: город встречался с морем и небом. Набирая силу на открытом пространстве между утесами, окружающими гавань, ветры неистово бросались на цитадель. Джериду пришлось обеими руками держать свою новую шляпу. Нандзи провела его вверх по лестнице, которая заканчивалась непосредственно у жилой части цитадели, неуклюжего, похожего на крепость сооружения, прикрывающего город со стороны моря. Уже взбираясь на высоту двадцатого этажа, он все никак не мог поверить в то, что она такая огромная. На ее строительство ушло множество камня самых разнообразных пород – от шероховатого крапчатого гранита до гладкого песчаника. Несмотря на то что ее фасады, увенчанные шипами и зубьями, мощно возвышались над городом, легкая дымка мороси и тумана придавала ей какой-то зыбкий, едва ли не потусторонний вид. Попасть внутрь цитадели можно было по нескольким широким лестницам с невысокими ступеньками, а по стенам с каждой стороны рядами тянулись узкие прямоугольники окон, освещенные изнутри фонарями. Это было здание, при одном взгляде на которое хотелось попасть внутрь и жить там, как поступал Толстый Лутто, бейлиф Виллирена, и ночные гвардейцы, сделавшие цитадель своей штаб-квартирой. Каждый день прибывали новые отряды военных, которых размещали на других, нижних уровнях, но все равно все они тяготели к одной, южной части города.

Да, это впечатляло: зал, полностью облицованный обсидианом. То же красноватое вулканическое стекло украшало многие другие покои, демонстрируя мастерство местных ремесленников. Правда, многие залы и коридоры, которыми его провели, были такими же пустынными и заброшенными, как в Виллджамуре, даже стены местами крошились, зато другие, наоборот, блистали новеньким ремонтом, а в иных каменная кладка переливалась настоящими драгоценными камнями, демонстрируя торжество денег и дурного вкуса. Тем не менее ему это нравилось: до того безвкусно, что даже мило.

Когда их наконец привели к командующему, Джерид с радостью увидел подле него громогласного даунира по имени Джарро, с которым встречался в Виллджамуре. Он был на несколько футов выше самого Джерида, его торс зарос густыми коричневыми волосами, набедренная повязка прикрывала срам. С узкой, похожей на козлиную головы на следователя смотрели два больших немигающих черных глаза, под ними торчали бивни длиной в

человеческую руку, от которых заворачивались губы, обнажая десны. Назвать его внешность устрашающей значило ничего не сказать, но Джерид не испытывал ни малейшего страха перед этим созданием, вооруженным стопкой книг такого размера, что под ней легко можно было бы похоронить обычного человека.

– Следователь-румель! – прогремел Джарро. – Каким ветром?

– Селе Джамура...

– Уртики. Теперь правильно говорить «селе Уртики», – поправил его Бринд, улыбаясь.

– Селе Уртики, – нехотя повторил Джерид. Потом повернулся к Джарро. – Как случилось, что и ты оказался здесь, в этой дали? Я думал, ты сидишь у себя в комнате, в Вилл-джамуре, гниешь помаленьку.

Джарро поставил книги на пол – стопка переплетенных в кожу томов достала Джериду до плеча.

– Напротив, наш добросердечный командир позволил мне наконец размять ноги, приняв участие в его экспедиции, вот я и приехал вместе с ним в этот город. За последнее время я повидал столько разных вещей, но, к сожалению, не встретил того, на что надеялся. Увы, я по-прежнему в неведении относительно своего происхождения. А ты, я полагаю, прибыл сюда ввиду предстоящей войны?

– Не совсем. Вообще-то, я расследую дело об исчезновении солдата. А ты, как я погляжу, еще не разлюбил книги.

– Я столько веков питался информацией из книг, что для меня теперь читать едва ли не проще, чем дышать. Хотя на этот раз я выполняю задачу, которую поставил передо мной командующий.

Стоявший рядом Бринд кашлянул.

– Я разослал людей по местным библиотекам – немногочисленным и жалким заведениям, – чтобы они снабдили Джарро бестиариями и прочей литературой, из которой он мог бы почерпнуть сведения о том, кто наши враги. Я и сам пролистал несколько книг по ксенопатологии, но не нашел никаких черт эволюционного сходства с этими дьявольскими созданиями. – Он показал рукой на книги. – Он нам сильно помог, – продолжал Бринд. – Джарро, позволь мне переговорить со следователем наедине.

– Ну разумеется. А я пойду переваривать странички. – Джарро, нагнувшись, поднял свои книги и, осторожно ступая, вышел за дверь.

Джерид бросил на командующего косой взгляд:

– Странный он все-таки тип, этот Джарро.

– Нелегко быть единственным в своем роде.

Джериду представили кое-кому из ночных гвардейцев, этих отборных вояк, так как следователю необходимо было составить на них подробный профиль. Кто-то из них мог оказаться ответственным за исчезновение Хауста.

Первым был Микилл, стройный молодой мужчина лет тридцати, с длинными темнорусыми волосами. Командующий представил его как непревзойденного мечника, который поступил в драгунский полк в возрасте пятнадцати лет, а к восемнадцати уже дослужился до сержанта. Очевидно, он не был любителем выпить, за что его постоянно поддразнивали коллеги, зато он слыл большим дамским угодником, что всегда вызывало зависть коллег постарше. Бруг, сорокалетний ветеран, был мускулист, наголо выбрит, его могучая мускулатура пестрела многочисленными татуировками. В отличие от своих более молодых коллег, этот был не дурак выпить, а кроме того, ценил живопись. Джерид узнал, что двадцать лет назад он потерял жену и с тех пор так и оставался холостяком. Но самому Джериду сразу понравился следующий, Смок, зрелый человек, опытный лошатник, больше времени проводивший с животными, чем с людьми. Загорелый, с короткой стрижкой, в которой местами

уже пробивалась седина, он считался потомком аборигенов и лучше всех владел топором. Спокойный и вдумчивый, он смотрел на Джерида мягким серьезным взглядом и на каждый его вопрос отвечал после некоторого раздумья подробно и негромко. Иное дело Син – тридцати с небольшим лет, психопат, судя по тому, как он зыркал своими глазами. Обычно вполне спокойный, он, по словам командующего, впадал в ярость на поле боя и становился просто непобедим. Вообще-то, сослуживцы его побаивались, поскольку ходили слухи, что пятнадцать лет тому назад этот человек порешил целое антиимперски настроенное племя – всех, до последнего человека. В результате все предпочитали держаться от него подальше, и Джерид сразу взял этого индивида себе на заметку.

Он коротко переговорил еще с двумя, Бонди и Хаалем, но тем надо было уходить на учения. Другие солдаты в черном шли мимо них по коридору, громко переговариваясь, их голоса были слышны еще долго после того, как сами они скрылись за поворотом. Глядя на них, Джерид невольно почувствовал разочарование: эти прославленные воины, силами культистов снабженные дополнительной выносливостью, сноровкой и мощью, во всем остальном оказались вполне обычными людьми, такими же как другие.

Позже, в том же обсидиановом зале, Джерид, Нандзи и Бринд сидели у внушительных размеров камина, излучавшего столь необходимое всем тепло. Когда они приступили к обсуждению дела Хауста, Джерид поручил Нандзи записать все до последней мелочи. Переговорив кое с кем из своих подчиненных, Бринд подтвердил, что Хауст пропал ночью, во время патрулирования. Альбинос тут же заметил, что сходным образом в городе пропали и многие другие люди. Джерид решил, что, вернувшись в здание инквизиции, сразу поинтересуется деталями подобных происшествий.

А пока Джерид попросил разрешения взглянуть на место, где жил Хауст, и командующий сам проводил их в dormitorio. Вздвг находился на учениях, и в помещении – длинной узкой комнате, в которой обитало пятьсот человек, включая Хауста, – было пусто. Экономно обставленная и удручающе чисто убранная комната сразу подсказала Джериду, что жизнь военного не пришлась бы ему по душе. Постель Хауста никто не трогал, простыни были застелены безукоризненно. Рядом, на столике, аккуратной стопкой лежали несколько листов бумаги: письмо от жены, другое от брата, карандашный набросок молодой леди и, поверх всего этого, женский браслет.

– Полагаю, что все вещи лежат так, как он их и оставил, – сказал командующий.

Джерид оглядел немногочисленные пожитки Хауста.

– Это от его возлюбленной, из дому? – спросил он.

– Да, от его жены, из Виллджамура. Для такой молодой пары они довольно давно женаты, но Хауст не брезговал и местными девушками, когда ходил в увольнение с другими солдатами.

– Не самый достойный доверия джентльмен, значит? – ухмыльнулась Нандзи.

– Прикрывать мечом мою спину в бою я ему доверил бы несомненно, если вы об этом. – Бринд со значением поглядел на Джерида, потом снова на молодую женщину, и тот прикинул в уме небольшой сценарий. – Вечерами солдаты могут делать что хотят, лишь бы не лезли в драку.

Джерид кивнул.

– К тому же свою зарплату он отправлял жене, так что она жила хорошо, в квартире на верхнем уровне, – продолжал Бринд. – Ее письма очень поддерживали его – среди военных много таких, кто жив благодаря письмам из дома.

– В том числе и вы?

Улыбка.

– Я не любитель усложнять.

– Очень мудро, – пробормотал Джерид. – Значит, все самое ценное он оставил здесь. Полагаю, мысль о том, что он просто сбежал со службы, можно отбросить.

Командующий Бринд Латрея моментально вник в логику Джерида и серьезно кивнул.

– Кто-то взял солдата Ночной Гвардии в плен? Крайне маловероятно. Гвардейцы – самые профессиональные солдаты на всем Бореальском архипелаге. Невозможно просто взять и лишить свободы одного из них, если он этого не захочет.

Однако армейская бравада командующего не произвела на Джерида должного впечатления.

– Полагаю, мы можем предположить, что если рядового Хауста похитили или даже убили, значит тот, кто это сделал, и сам не слабак, вот и все.

Джерид и Нандзи приняли приглашение выпить в офицерской столовой, а Бринда куда-то вызвали. Когда он вернулся, разговор незаметно перешел на тему таинственного врага с твердыми панцирями и клешнями.

– Частично они, конечно, классифицированы, – говорил Бринд, – и вскоре я собираюсь сделать небольшое публичное заявление по этому поводу. Но всех обстоятельств дела не знает в данный момент никто, даже инквизиция.

– Понятно, – сказал Джерид.

– Окуны, – объявил Бринд. – Так мы их называли, основываясь на словах древнего языка, от которого произошел джамурский. В том языке было слово «окуннр», означавшее «чужой» или «неизвестный».

– То есть вы хотите сказать, что так и не выяснили, что они за чертовщина такая, – сухо заметил Джерид.

– Можно сказать и так. – Взгляд командующего стал отстраненным. – Тинеаг’л претерпел настоящий геноцид от рук этих самых окунов. Речь идет о массовых убийствах – целые города и поселки были вырезаны, очищены от жителей. Более ста тысяч человек пропали без вести, остальных зарезали. Я сам был там со своим отрядом, мы должны были произвести разведку, а пришлось спасаться бегством. Трупы, обнаруженные нами там, были зрелищем не из приятных, каждый просто плавал в крови. Людей забирали прямо из их домов. – Бринд покачал головой. – И кто это сделал – вот эти новые существа? Подозреваю, что они добрались на остров по ледяным полям, но вот откуда – не имею ни малейшего понятия. Один из разведчиков-гаруд утверждает, будто видел далеко на севере громадную дверь посреди ледяной пустыни, но это заявление нуждается в тщательной проверке. Знаю, звучит смешно, но пришельцы больше всего похожи на раков, а ростом они выше любого обычного человека. Судя по тому, что мы могли видеть, сражаются они яростно, не зная пощады, и сейчас их армия собирается на южном берегу Тинеаг’ла в ожидании момента, когда лед окончательно соединит острова и можно будет пуститься сюда посуху. И хотя я бы не хотел называть целую расу носителями зла... я хочу сказать, мы ведь можем судить о них лишь с одной точки зрения, видя в них лишь армию вооруженных пришельцев, явившихся для захвата наших земель. Не следует судить их лишь по внешнему виду, хотя в нашем мире найдется немало таких, кто именно так и поступит.

– Мне о расизме можете не рассказывать, – буркнул Джерид, невольно подумав, что они с альбиносом хорошо понимают друг друга.

– У нас есть два пленника, которых я не спешу отдать на расчленение, поскольку они еще дышат, хотя и находятся в состоянии, похожем на кому. Я надеюсь, что нам удастся больше узнать о них, может быть, обнаружить слабости их строения. Возможно, и вы хотели бы на них взглянуть?

– Конечно.

Последовала стремительная прогулка через посты охраны; Бринд вел их за собой, стража шелкала каблуками, вытягиваясь по стойке смирно. Короткий кивок еще двоим, стоявшим у железной двери, и она тут же отворилась.

За дверью открылась камера, обшитая полосами металла, с полом из каменных плит и зарешеченным окном, которое, казалось, так и затягивало холод снаружи. Комната была абсолютно пуста, не считая двух тварей, взглянув на которых Джерид сначала не поверил своим глазам. Нандзи приглушенно вскрикнула и прижалась к стене, стараясь увеличить расстояние между собой и странными созданиями.

Новая раса. Новый биологический вид. Невероятно, но вот же они, прямо перед ними, во всей своей панцирной красе.

– Не знаю, как их точнее назвать, если не гигантскими ракообразными, – заметил Бринд, небрежно подходя ближе к одному из спящих существ. – Они похожи на насекомых, семь футов росту, но голова, торакс, abdomen – все как у насекомых – и тот же блестящий гладкий экзоскелет. Следует заметить, что рядом с ними все время чувствуешь легкий запах кислоты.

Оба окуна лежали тихо, точно погруженные в некую дремоту. То, что у них сходило за лодыжки, обвивали металлические цепи.

– И эти... штуки скоро нападут на Виллирен? – спросил Джерид, глядя на них.

Командующий наморщил лоб, обдумывая вопрос Джерида.

– Честно говоря, не знаю. Нам так мало известно о них, о том, какую тактику они предпочитают, и даже о том, каковы их мотивы. Чего они от нас хотят, зачем и почему убивают людей – все это мне совершенно неясно.

– Хорошенькую картинку вы нарисовали, командующий, – заметил Джерид.

– Все это относительно, как я думаю, – вмешалась вдруг Нандзи. Джерид обернулся к своей новой помощнице, интересуясь тем, что она может предложить. – Я хочу сказать, что тот, кто одним кажется убийцей, для других – герой. Беда в том, что мы привыкли смотреть на все лишь с одной точки зрения, с которой зло всегда остается злом – не так ли? – тогда как с другой точки зрения оно могло бы оказаться чем-то иным.

Говорила она выразительно, хотя и немного абстрактно. Не боялась высказываться, если считала, что ей есть что сказать. Джерид почувствовал, что симпатизирует ей все больше. И бросил еще один взгляд на мирно дремлющих убийц, задумавшись о том, доведется ли этой паре еще раз испытать боевую ярость.

Глава шестая

По шелковой нити, пружиня над оживленным ночным иреном, паук перебежал с одной стороны площади на другую. Внизу шел праздник, мужчины и женщины в мехах и масках разыгрывали легенду о желтом солнце. Пока они скакали вокруг костра под барабанный бой, потрясая факелами и биолюмами, паук взобрался на крышу дома напротив и полез вниз по его боковой стене.

Под ним мелькнул один из многочисленных дренажных каналов, которые пронизывали весь город, точно вздувшиеся вены. Многие из них были завалены отбросами и обломками металла до самого верха, так что давно превратились в часть какого-то апокалиптического ландшафта. Каждую ночь в этих гигантских помойках рылись городские бедняки, надеясь не упустить свой шанс выжить, и сначала он думал выбрать кого-нибудь из них... но нет, слишком они тощие, недокормленные.

Годится только здоровая постная вырезка.

Кроме того, их не было в списке, полученном доктором Воландом.

Снова на улицу, на металлическую лестницу, идущую по стене одного из зданий до самой крыши. Топ-топ-топ по ней до верха, откуда открывался превосходный вид на освещенные окна дома напротив, на повседневную жизнь обычных людей.

Окна двух комнат в верхних этажах ярко светились красным: в них горели красные лампы, жарко топились камины. В одном окне видна была задремавшая в кресле старуха: она откинулась на спинку, рядом с ней на полу лежала книга. Из другого, этажом выше, выглядывала светловолосая женщина в нижнем белье, прижавшись к стеклу лицом в голубой маске. Казалось, она смотрела прямо на паука, но он знал, что видеть его она не может: на его стороне было преимущество ночи. Лысый мужчина с тонкими, будто нарисованными карандашом усиками подошел к ней, хлопнул ее по заду, она захихикала. Сняла маску, повернулась к мужчине и поцеловала его, а он снял рубашку, под которой обнаружилось худое тело.

Паук даже зашипел, возмущаясь неприличным поведением женщины. Этот человек был одним из лидеров профсоюза, – значит, он был в списке. Лампа в комнате замигала и погасла, парочка отодвинулась в темную глубину, а паук стал ждать.

Пока Ларкин целовал ее в шею, она поняла, что больше не любит своего мужа. Этот жалкий неудачник был полным ничтожеством в сравнении с ее ночным гостем. Она видела Ларкина, когда он страстно и красноречиво призывал рыбаков и рабочих порта к забастовке. Бейлиф срезал зарплату и цены тем и другим, причем сэкономленные деньги якобы должны были пойти на оборону, но все знали, что речь идет просто об ухудшении условий жизни рабочих. Ее муж, тупица, ушел с собрания, заявив, что будет работать, а остальные пусть проваливаются куда подальше. Отсутствие преданности общему делу и провинциальные взгляды – вот что раздражало ее в нем сильнее всего. А еще ей льстило, что Ларкин, любимец женщин, обратил внимание именно на нее.

К утру она избавится от мужа.

Нежась в тепле камина, она губами исследовала его грудь, поджарый живот, пока не дошла до ремня и не принялась расстегивать пряжку. Медленно скользнули вниз брюки, затем носки, и она принялась дразнить его член, пока он наконец не встал во весь рост, и тогда она облепила его своим ртом. Ее волосы упали вперед, прикрывая интимное действо, а он застонал, как стонут в таком случае все мужчины, но не стал подталкивать ее голову вперед, чтобы она не подавилась. Казалось, он благодарен ей за ее искусство – а почему бы и нет? Она знает, как доставить мужчине удовольствие.

Что-то брякнуло снаружи по подоконнику, она остановилась, прислушиваясь. Но не различила ничего, кроме звуков праздника в нескольких кварталах от дома.

«Наверное, снег упал», – подумала она.

Ба-бах.

Она поморщилась от внезапного шума.

– Ничего, – погладил ее по голове Ларкин. – Это просто фейерверк. – У него были такие чувственные глаза, такие большие и голубые. Она снова сосредоточила все свое внимание на нем, продлевая момент и наслаждаясь ощущением его растущего возбуждения. Его дыхание участилось, и...

Ба-бах.

– Что за?...

Все происходило медленно, как в кошмаре: рухнул потолок, его обломки засыпали комнату, загасив в камине огонь, и какое-то чудовище упало на них вместе с дождем из штукатурки, придавив обоих к кровати.

«Не может быть...»

Над ними стоял огромный паук.

– О господи, нет! – завизжала она, обнаружив, что ее руки прижаты к постели двумя его волосатыми лапами, а сама она лежит навзничь поверх Ларкина. – Слезь с меня, пусти, пожалуйста, нет! – Его глаза – бесчисленные, беспощадные – смотрели на нее, и Ларкин заерзал, заскулил под ней, и что-то теплое залило кровать. Он обмочился.

Снаружи грохотали фейерверки, радостные крики заглушали ее вопли.

Монстр оторвался от нее, и шелк залепил ей горло. Она подавилась и потеряла сознание.

«Командующий, я отправляюсь в разведывательный полет, – доложил жестами крылатый лейтенант Гибсон. – Какие территории прикажете осмотреть?»

Обращаясь к гаруде, чей рост превосходил его собственный на целый фут, он скользнул глазами по коричневому с белым оперению, видимому из-под края нагрудной пластины. Красные перышки, разбросанные кое-где по лицу птичеловека, напоминали боевую раскраску аборигенов. Две руки, торчащие из-под могучих крыльев, всегда ассоциировались у Бринда с чем-то беспомощным и человеческим. Птицелюди мало говорили о себе, и все свои знания о них Бринд почерпнул из военных журналов и донесений – сухая статистика и стратегия. Кто они такие на самом деле, ему было неизвестно и останется неизвестным до конца, как он подозревал. Трудно оценить характер, когда не видишь игры лицевых мускулов, не слышишь тембра голоса и его интонаций.

– Я взгляну на карты. – Пройдя через кабинет, он остановился у большого письменного стола, взял с него карту Тинеаг'ла – одну из новейших, изданную всего два года назад в целях более точного расчета налогообложения, – и перенес ее на свой стол. – Держа за спиной солнце, осмотрите канал, который идет прямо на север. Это позволит нам оценить величину вражеской армии и глубину ее проникновения на территорию острова. Мы знаем, что на ближайшем берегу их не так много, а с той стороны острова они собираются постоянно. На это потребуется два часа полета, не больше. Мне нужно получить представление, какой мощности атаку они предпримут и сколько она может продлиться. И сколько солдат, вероятно, погибнут.

«Очень хорошо, сэр». Гибсон вышел из кабинета на обзорную площадку, встал на зубец крепостной стены.

Бринд подошел к наблюдательному люку. Маховые перья на миг закрыли красное солнце, когда гаруда сорвался со стены и стал падать к земле, пока его распахнутые крылья не поймали восходящий поток и не подняли его в воздух.

Такие дни, как этот, давали почувствовать всю прелесть полета: нечастая теперь солнечная погода, никаких признаков приближающегося снегопада кругом. Редко когда горизонт бывал виден так ясно, вызывая восторженное дрожание в груди. Под его распахнутыми крыльями ревел ветер.

Жизнь, конечно, была далека от идеала. На острове Куллрун у Гибсона осталась семья, в пещерах гаруд, на северо-западном побережье: пара вечно голодных цыплят да еще яйцо в гнезде. Но в армии ему хорошо платили, так что его семья жила по сравнению со многими их сородичами в достатке. В последний его отпуск младший уже пробовал летать: беспорядочно замахал крыльями и камнем упал вниз, так что Гибсону пришлось нырнуть за ним, чтобы малыш не разбил себе голову о камни.

Разговоры с другими парнями из летных полков только усиливали его тоску по родному острову, по тем беззаботным временам, когда его единственной мечтой и занятием было исследовать небо, забираясь все выше, улетаая все дальше. И ему казалось, что тогда все время было лето – а оно еще было. Но его, как и многих других, рано отобрали для службы в армии, и тем вольным дням парения в безграничном небе скоро пришел конец.

Гавань под ним заполняли утлые суденышки беженцев, которые мешали рыбакам пробраться к выходам из порта Ностальжи. Маяки и военные базы тянулись вдоль всего северного побережья Й'ирена, – на случай, если вражеский флот вздумает пристать и произвести высадку неподалеку от Виллирена. Солдаты драгунского полка, едва различимые сверху в своей черно-зелено-коричневой форме, патрулировали берег группами по три или четыре.

Лететь строго на север, да еще на такое большое расстояние, было непривычно. Обычно Гибсону давали задание патрулировать берег вообще, следить за изменениями очертаний ледяного покрова и тем, как они влияют на возможность навигации, а главное, смотреть, не планируют ли окуны форсировать пролив на лодках или других плавсредствах.

Сначала он летел в сторону Тинеаг'ла, потом, увидев впереди лед, некоторое время скользил вдоль его кромки, пока не достигал собственно берега. Там никогда ничего не менялось: брошенные деревни, кровавые пятна, которые постепенно заносил снег, иногда разбитая телега.

Затем, твердо зная, что ждет его впереди, он набирал для большей безопасности высоту.

Еще четверть часа, и вот они, окуны, – контрастно-черные на ослепительно белом снегу. Их явно стало больше – не меньше трех тысяч в одном только первом лагере; палаточный город со щупальцами встающих над ним дымов раскинулся до самого горизонта. Краснокожие румели верхом разъезжали между палатками, по всей видимости командуя этим парадом уродов. Они уже зачистили Тинеаг'л целиком, стерев с лица земли все до единого города и поселки на острове.

Но этот лагерь – еще не все: тысячи и тысячи воинов были на подходе, они шли шеренгой, которая, как тонкий черный шрам, прорезала белоснежный пейзаж. Без малого десять тысяч стояли другим лагерем в двух часах пути отсюда, на южном берегу, в ближней к Й'ирену точке острова.

Изменив фокусировку взгляда, он мог разглядеть палаши и палицы, стрелы, топоры и копья. Вооружение армии, приготовившейся к осаде.

Дальше на север, над тундрой и холмами в нежно-голубой дымке, над горами и ущельями, через замерзшие реки и озера, заполненные снегом провалы горных выработок. Никаких иных следов населения там не было.

Военные это уже знали. Местное население истреблялось систематически, взрослых угоняли в плен, оставляли лишь стариков и младенцев, да и тех в виде расчлененных трупов – кости с характерным упорством очищали от кожи и мяса, которые бросали тут же.

Многочисленные свидетельства этих зверств сохранились в снежных заносах вокруг опустевших городов и поселков, и гаруда своим сверхострым зрением различал в снегу очертания разбросанных частей человеческих тел, скованных и сохраненных от тления морозом. Ирония жизни и смерти этих людей, чьи тела стали содержимым шахт на этом шахтерском острове, не укрылась от его внимания.

То и дело сверху он замечал присутствие новой расы – небольшими группками они передвигались по острову, точно исследуя его. Иногда с ними можно было видеть всадника-румеля, который прищипоривал свою лошадь чуть впереди или в самом центре их группы.

Теории, объясняющие присутствие румелей среди захватчиков, множились день ото дня, но командующий Латрея запретил доводить этот факт до сведения широкой общественности во избежание ненужных осложнений. Люди и румели, два двуногих вида, жили бок о бок уже тысячу лет, у них была общая цивилизация, общая культура, однако вспышки расового напряжения и нетерпимости еще случались.

Но поскольку люди не только приспосабливались к любым новым обстоятельствам, но и сохраняли в них стремление к господству над всем и вся, командующий боялся вспышек ненависти к румелям, которые жили среди них.

Дальше на север гаруда залетать не решался, так как мышцы спины уже начинали подрагивать от напряжения. Ветер сильно толкал его в бок, сбивал с курса, ерошил перья. Ему потребовалось несколько часов, чтобы залететь так далеко, и география ледяного пейзажа внизу начала меняться. Ледяные поля выравнивались, становясь все более гладкими.

И тут далеко на горизонте встало какое-то сияние.

Он начал снижаться.

Невероятно, но в воздухе висела дверь – огромная, размером с двухэтажный дом. Дверь постоянно излучала бледное фиолетовое свечение, а внутри ее проема виднелись какие-то темные полосы, что-то вроде решетки, как будто это видение основывалось на точном математическом расчете. Самый воздух вокруг него вибрировал. Впрочем, по мнению гаруды, ни один человек не был способен ощущать эту вибрацию, а значит, ему будет трудно объяснить командующему, что именно он чувствовал. Он описал широкий круг, стараясь держаться повыше, чтобы остаться незамеченным, а ледяной ветер продолжал трепать его грудные перья.

Вокруг поразительной двери собралось несколько полков новой расы, среди них разъезжали верхом на лошадях предводители-румели. То и дело в светящейся двери начиналось какое-то мелькание, возникал силуэт, едва различимый в фиолетовом сиянии; но вот из дверного проема выходила одинокая фигура и сразу становилась хорошо видимой на фоне белого снега: иногда это оказывался охотник, иногда румель. Откуда они появлялись и куда уходили?...

Вдруг снизу кто-то пустил стрелу, и Гибсон едва успел увернуться – стрела задела кончики маховых перьев. За ней прилетела другая, но выстрел был не так точен, и стрела, достигнув определенной высоты, замерла на месте, а потом бессильно упала вниз, как мертвая птица.

Значит, пора поворачивать.

Мощно потянув назад и вверх, крылатый лейтенант Гибсон спрятался на надежной высоте и взял курс на город.

Глава седьмая

Для многих людей Виллирен был всего лишь скоплением улиц и переулков, на карте похожих на решетку. Технически город состоял из Старого квартала, жившего в продолговатой тени Ониксовых Крыл. К северу от него вставала цитадель, внушительное сооружение, к которому в данный момент как раз и шел Малум. Через пару улиц к югу, в Солтуотере и Дипинге, властвовала банда «Крик». Стоило обойти Крыла с другой стороны, и пешеход попадал в Альтинг, еще дальше за ним лежал Скархауз, район, где селились многие приличные торговцы. Прямо между Скархаузом и портом Ностальжи находился закуток, называемый в городе Шантизом, – раньше там располагались приличные отели с видом на море, но их закрыло Оледенение, а из населения остались одни рыбаки да портовые рабочие, жившие в основном в нищете. Ну а дальше начинались городские окраины, известные все вместе как Пустоши, хотя пустошами в натуральном смысле они перестали быть еще лет тридцать-сорок тому назад. Здесь обитала теперь разноязыкая толпа, мультикультурная община, внутри которой выделялись, скажем, квартал фолкцев или район джокулцев – неофициальные названия, совершенно ни о чем не говорившие тем, кто занимался проблемами городского развития. Пустоши окаймлял древний Ведьмин лес, в чьи темные от обилия пихт пределы то и дело вторгались застройщики со своими планами, отнимая у леса все больше и больше земли. И наконец, в самой глубине Ведьминого леса, поверх древесных крон вздымалась Башня Отбросов – самая большая мусорная куча в округе, давно ставшая крупнейшей местной горой, а заодно и бесплатной столовой для чаек и бездомных.

Весь Виллирен делился на бандитские зоны влияния, границы между которыми, не отраженные ни на одной карте, проходили по малоизвестным улицам. Пересекать их было нельзя, а защищать зачастую необходимо. Малум и его банда чувствовали себя в городе как дома, а древние комплексы тоннелей и подземных ходов, существовавшие в Виллирене, как почти во всяком мегаполисе Бореальского архипелага, помогали им и прятаться, и осваивать территорию.

Фактически часть этих подземелий служила штаб-квартирой Малума, откуда он заправлял своими делами. В Виллирене, чтобы попасть под землю, надо было иметь доверенного проводника. Оказавшись под землей в определенной точке Старого квартала, надо было сделать шаг в сторону и идти вниз. Эти проходы шли прямо сквозь сердце города, и их стерегли облаченные в плащи люди, которые не первый день держали в руках мечи.

Щеголя трехдневной щетиной, в черном сюртуке и теплой шерстяной тунике под ним, в капюшоне и красной бауте, с мечом у пояса, Малум спускался, перепрыгивая по две ступеньки за раз.

Наконец он добрался до самого сердца подземного Виллирена. Это была ничейная территория, вотчина всех местных бандитов. Длинные переходы, неизменно освещенные цепочками фонарей и биолюмов, соединяли полные пыли обширные пространства в окружении древних строений: сами дома готовы были рухнуть в любой момент, но на их дверях все еще висели старинные плакаты. Эти каменные фасады стояли здесь только потому, что властям не хватало смелости спуститься под землю и взять тамошние дела под свой контроль.

Вокруг разговаривали люди, порой сквозь шум голосов он слышал обращенное к нему приветствие, иные даже вставали при его приближении, словно отдавая ему честь. Другие, наоборот, отворачивались к своим столам, скрывая за масками лица.

Он был у старого полуразвалившегося трактира, занимавшего часть бывшей рыночной площади, – излюбленного места членов двух банд: «Крик» и его собственной, «Кровь». Тут продавалось все, что душе угодно, причем самого лучшего качества. Мечи и наркотики,

суперкрепкий алкоголь и женщины, а также хорошие куски оленины или тюленины и питательные водоросли для разнообразия.

Трое его новобранцев, из самых младших, не старше двенадцати лет, стояли над ящиком порноголемов и хихикали.

– Бросьте эту дрянь! – прикрикнул на них Малум. – Это не для вас. Брысь отсюда!

Он потрепал одного пацаненка за ухо, и вся троица убежала. Со вздохом он осознал, что с ними работы еще непочатый край.

К нему подошли двое его людей, Джей-Си и Дюка. Рыжеволосые братья были с ним с самого начала, с тех самых пор, когда его предприятия еще только разворачивались к теневой стороне жизни. Всегда готовые протянуть руку помощи, когда надо было получить кредит или, напротив, взыскать с кого-то должок, они уже давно заменили ему семью, превратившись из неуклюжих мальчишек в людей, которым он мог доверять. Больше того, они тоже были *укушенными*.

Братьям было уже под тридцать, оба одинаково высокого роста, только Джей-Си всегда ходил в черной маске, а Дюка не носил никакой. Их можно было принять за близнецов, если бы не татуировки – шею и грудь Джей-Си покрывали аборигенные мотивы – и не глаза: у Джей-Си они были ярко-голубыми, а у Дюки – зелеными. Джей-Си казался особенно крутым парнем, на деле же он был куда мягче своего брата и даже склонен к духовности, а внешние атрибуты крутизны помогали ему скрывать алкоголизм. Братья немало всякого повидали вместе: участвовали в бандитских разборках, занимались контрабандой, неудачно экспериментировали с наркотиками, а Малума воспринимали как старшего и более мудрого брата. Сами они происходили из большой многодетной семьи, и Малум не раз сидел за их столом, особенно после того, как его укусили. Они-то и помогли ему прийти в себя.

Вот и теперь он приветствовал их на языке жестов, ладонью одной руки и пальцами другой изобразив древний знак.

Джей-Си заговорил первым:

– Как дела, Малум? Слышал, ты теперь с солдатней водишься.

– Только не с утра, – буркнул Малум. – Я надеялся повидать здесь Даннана. Видели его? – Тот, о ком он говорил, был внебрачным сыном одной банши и потому именовал себя банХи.

– Нет, не видели, – ответил Дюка, сунув руки в карманы.

– Что-нибудь важное? – Язык у Джей-Си уже слегка заплетался, да и глаза тоже остекленели от алкоголя, что не укрылось от взгляда Малума.

– Какая-то возня в профсоюзах, которую нам надо поприжать. А еще мне надо убедиться, что мы с ним заодно, прежде чем идти к солдатам.

– Нам плевать, – буркнул Дюка, – что бы там солдатня ни затевала.

– В конце концов может оказаться, что у нас просто нет выбора, вот чего я боюсь. Никто ведь не знает, с чем они там дерутся. Они говорят, что скоро это коснется всех, так что не худо бы узнать, чего они хотят от нас.

– И что, ты велишь нам всем идти драться, так, что ли? – спросил Дюка.

Малум не был военным, и проблемы империи его не волновали. Собственная зона влияния – вот все, что ему было интересно.

– Забудьте пока об этом.

– Точно, – буркнул Джей-Си. – Эй, вчера вечером мы разжились целым ящиком контрабандных реликвий у одного типа, который говорит, что вернулся с Ислы.

– А где он сейчас? – спросил Малум.

– Умер, – ответил Джей-Си, когда Дюка скрылся в одном из ближайших переулков. – Мы бросили его в гавань вчера ночью, набив ему карманы камнями.

– Вы его выпили? – Члены его банды имели обыкновение опустошать тела жертв раньше, чем Малум приступал к расспросам.

– Не-е, от него пахло дурной кровью – с культистскими добавками или чем-то вроде.

Малум ухмыльнулся:

– Реликвии-то хоть годные? Не хочу, чтобы кто-нибудь из наших сыграл из-за этого барахла в ящик.

– Мы их еще не испытали. – Джей-Си глядел Малуму за спину, туда, где уже появился Дюка, таща небольшой сундук. Крякнув, он опустил его на землю у ног Малума и выжидающе поглядел на него.

Малум осторожно пошарил среди странно изогнутых металлических штуквин.

Покупатели на пиратские реликвии находились всегда – люди были достаточно глупы. Многие не переставали искать приспособление своей мечты, способное окончательно и бесповоротно изменить их жизнь к лучшему. Иные готовы были в прямом смысле слова расстаться с жизнью, лишь бы заполучить хоть кусочек магии. Городские подпольные рынки росли как на дрожжах, подпитываемые энергией эгоистичных устремлений клиентов, а его банда за последние десять лет преуспела, эксплуатируя человеческие слабости, не гнушаясь любыми бесчестными способами добычи денег, какие он только мог изобрести.

– Вы правильно поступили, парни. – Малум слегка стукнул Дюку кулаком по плечу. – Даже если они окажутся нерабочими, свою цену за них мы все равно получим.

Два часа спустя Малум спокойно сидел в кресле напротив командующего-альбиноса. На встречу с ним его привело чистое любопытство, а никак не чувство долга. Собрание проходило в обсидиановом зале, из окон которого открывался вид на море в направлении Тинеаг'ла. Далеко в небе кружил гаруда. На стенах зала зажженные масляные светильники чередовались с охотничьими трофеями, скалились головы джилов, тройные языки свисали из их пастей, точно они были голодны.

Альбинос чуть заметно улыбнулся, давая понять, что уступчивость Малума ему на руку... а Малум сидел и лениво думал о том, отличается ли кровь альбиноса на вкус от крови нормальных людей. Бледные черты командующего казались изысканной маской, но Малум с легкостью читал выражение лица под ней: перед ним был человек, жаждущий заключить сделку.

Двое ночных гвардейцев, блондин и черноволосый, стояли на некотором отдалении от своего командира, сложив на груди руки и собственным присутствием усиливая окружающую его атмосферу власти. Еще около полудюжины их сидело на скамьях по периметру зала, старательно имитируя положение по команде «вольно». Малум решил, что расслабиться можно всем.

Даннан пришел поздно – видно, решил пройтись пешком, не спеша, как обычно, а может, до того обдолбался наркотиками, что забыл про время. Несмотря на резкие и угловатые черты лица, бледнокожий банХи всегда отличался безупречной изысканностью манер. Малум любил подкалывать его время от времени, проверяя, не наиграно ли все это, но банХи неизменно оставался верен себе. Однажды Малум застал его во время исполнения какого-то ритуала, в котором участвовали три обнаженные женщины, чашка с кровью, различные части тела и книга заклинаний, которую он считал культистской. Близкие к нему члены банды уверяли Малума, что видели, как банХи ударяли кинжалом много раз, с маниакальной жестокостью, после чего на нем почти не осталось следов, а сам Даннан, когда его спросили об этом, со смехом отшутился. На встречу Даннан пришел, представляя банду «Крик», в рядах которой состояла тысяча человек. Обычно бандитские группировки состояли из десяти-двенадцати человек, которые заправляли всеми делами, и еще небольшой группы

людей, которые на них работали, однако отряды Малума и Даннана были куда многочисленнее, и все же они являлись их единоличными лидерами.

Лутто, бейлиф Виллирена, вдруг ввалился в дверь, на нем был теплый зеленый плащ, под мышкой он держал какие-то бумаги. Походка у него была комичная, как у утки, щеки покраснелись; несмотря на холод, неизменно царивший вокруг, вся физиономия важной персоны постоянно лоснилась от пота.

– Селе Джамура вам, командующий Бринд! Даннан и Малум, приветствую вас, джентльмены.

Альбинос ответил ему сухо, поправив «Джамура» на «Уртику». Два бандита безразлично кивнули.

– Эх вы, бандючата, – хихикнул Лутто, втискиваясь в кресло рядом с командующим и рассыпая по столу свои бумаги. – Что, даже ради деловой встречи маски не снимете? – спросил он, сложив бумаги в стопку.

– Нет, – отрезал Малум. – Лучше скажи, зачем мы здесь.

– Ага, сразу к делу, – объявил Лутто. – Люблю таких!

– Без твоей любви обойдемся, – фыркнул Малум. – Или ты на мужиков переключился, педик?

Тут Малум заметил, как по лицу альбиноса прошла тень.

«Странно», – подумал он. Видно было, что его замечание не понравилось командующему. Вид у него вообще был еще тот: глаза красные, как у демона, лицо костистое, угловатое, а после слов Малума оно стало еще и напряженным. «Очень странно».

Альбинос поспешно открыл собрание:

– Джентльмены, я пригласил вас сюда... по очень простой причине: нам нужна ваша помощь. Присутствующий здесь Лутто заверил меня, что под началом у каждого из вас находится значительное число граждан – несколько тысяч, как я понял.

Даннан прервал свое молчание.

– И что с того? – Его голос был немного похож на женский.

– Разрешите мне предложить вашему вниманию сводку последних донесений нашей разведки. – Напряженный взгляд командующего был устремлен куда-то между посетителями. Заметно было, что он уже жалеет о своей учтивости по отношению к этой паре душегубов.

То, что он изложил затем, одновременно тревожило и возбуждало. Он подтвердил все слухи о геноциде на Тинеаг'ле, о том, что целые поселки и города исчезли с карты, а твари, называемые окунами, в настоящее время подбираются по льду к Й'ирену. Бандитам было над чем задуматься.

Когда принесли напитки, голос командующего смягчился, стал менее натянутым. Однако в воздухе по-прежнему висело напряжение.

– Я не жду, что вы захотите нам помочь просто по доброте душевной, – продолжал альбинос. – Вы крутые парни, и вас прежде всего интересуют ваши собственные дела, это понятно.

– У нас есть принципы, командующий, – перебил его Малум. – Наш мир не черно-белый.

– Значит, вы поможете?

– Этого я не говорил.

Командующий наклонился к Лутто и что-то ему зашептал, тот кивал в ответ, тряся жирными щеками.

– Вот, Лутто согласен открыть городское хранилище и заплатить вам, эти расходы позже компенсирует городу Виллджамур. То есть мы оплатим ваши услуги, если в них будет нужда. Когда это произойдет, я пока не знаю, сейчас мы просто... ждем.

Итак, решение не было принято; договоренности достичь не удалось. Даннан и Малум пообещали обдумать ситуацию в принципе. Станут ли они служить империи? Превратят ли свои банды в отряд нерегулярного ополчения?

Единственный определенный вывод сделал из встречи Малум, приказав своему человеку следить за командующим издали. То ли все дело было в его необычайно белой коже, то ли в чем другом, но командующий показался ему чрезвычайно странным.

Под морозящим небом, в районе, временно закрытом на реконструкцию, Малум и банХи остановились поговорить.

БанХи курил свою самокрутку нервно, точно одержимый страхом преследования, хотя за ним по пятам вечно следовали двое его головорезов; вот и теперь они скрипели сапогами по гравийной дорожке чуть поодаль. В доме, у которого они остановились, раньше находилось образовательное учреждение, но потом цены на аренду выросли непомерно и дом решено было переделать под съемные квартиры. В данный момент здесь было удобно назначать встречи: ни лук со стрелами не спрячешь, ни человека с ножом в засаду не посадишь – негде.

– В чем дело, Малум? – спросил банХи своим почти музыкальным голосом.

– Бейлиф говорит, что в северных районах планируется марш протеста – портовые грузчики, мелкие торговцы и тому подобное.

– Что их так разозлило?

– Плохие условия труда в основном.

– Так почему они не переговорают со своими работодателями? При чем тут Лутто? У нас же свободный рынок, так?

– Да брось, Даннан, – фыркнул Малум. – А то ты не знаешь. Власть частных компаний в этом городе означает только одно – никто не берет на себя ответственность за смерть на рабочих местах, сейчас в основном от холода. Никто не хочет делать дерьмовую работенку за дерьмовые деньги, да еще когда все дохнут кругом, а работодатели знай твердят одно: не будете работать за гроши, привезем с островов рабочую силу еще дешевле. Болтают даже о рабах, которые будут работать вообще бесплатно, но Лутто такая идея не по вкусу, говорит, это может испортить ему репутацию в Виллджамуре. Даже инквизиции запрещено вмешиваться в это дело, а то как бы кто не подумал, что дело плохо и в Виллирене совсем нет демократии. Надо же поддерживать иллюзию свободы в массах.

– И чего Лутто от нас хочет? Чтобы мы перебили ни в чем не повинных протестующих?

– Вроде того – только изнутри. Крупные бизнесмены обратились к политикам с просьбой выручить их, времена трудные, им не нужны беспорядки. Несколько недель назад зачинщиков уволили – нелегально, конечно, даже по нашим законам, – и все равно положение грозит выйти из-под контроля. А бейлифу это тоже ни к чему. Он и так уже обеспечил бизнесменам особые тарифы, и субсидии, и снижение налогов, лишь бы они оставались в городе, – тоже, наверное, часть свободного рынка! – а тут эта суета подрывает его грандиозные планы развития. Вот Лутто и идет за помощью к нам, как обычно. Кланяется нам не хуже, чем воротилам бизнеса, знает, что мы хорошо делаем свое дело. Можно хапануть хороших денег, как тогда, при погроме в Скархаузе, два года назад.

БанХи вытаращил на него глаза.

– Точно, – продолжил Малум. – После того раза нам еще долго не пришлось заниматься подобными делами. Значит, нам надо пробраться в колонну протестующих и устроить среди них резню. Доказать, что профсоюзы – просто скопище бандитов, ни к чему не пригодных. А это не только избавит промышленных воротил от бунтарей, которые мешают им набивать карманы, но и отобьет у других желание вступать в профсоюзы. Чем меньше солидарно-

сти, тем лучше, ясно? Пусть люди работают, а не митингуют. Все это часть долговременной стратегии Лутто, его кампании за свободу и демократию.

– Погоди, отнимать у людей последнюю возможность свободно распоряжаться своей жизнью – это называется свободой и демократией? Похоже, кто-то подменил определения.

– Добро пожаловать в Виллирен, Даннан. В конце концов, право выбора-то у них есть или как?

– Да, выбора между двумя-тремя парнями, которых не отличить друг от друга. Да и вообще, выиграет все равно Лутто – у него денег больше, и мы его поддерживаем.

– Да, я знаю.

– Похоже, ты много знаешь, – заметил банХи, явно впечатленный.

– Если я бандит, это не значит, что я книжек не читаю. Ну так как, мои ребята в деле, могу я обещать ему твоих?

Даннан глубоко вздохнул и задумался над ответом.

– Сколько твоих участвует?

– Моих около сотни, а протестующих ожидается не меньше тысячи.

– Тогда и я сотню подброшу. Этого ведь хватит?

– Должно хватить. Я пришлю тебе подробности: когда и где. Пара моих людей уже работает в профсоюзе под прикрытием.

БанХи кивнул и затянулся самокруткой, продолжая озираться по сторонам.

Малум оставил его и пошел прочь, намереваясь как можно быстрее слиться с пейзажем.

Глава восьмая

– Черт. – Беами обхватила голову руками. Затем сквозь пряди темных волос снова взглянула на кошмар у себя на столе. Гибридизация: опасное искусство сочетания реликвий и сфера ее научных интересов; но, попытайся она активировать это конкретное сочетание, ее разорвало бы в клочки. А все из-за того, что две медные части заряженной реликвии фороум не хотели вписываться в эту теоретическую схему. Стол был завален сотнями металлических фрагментов; она сгребла их и сунула без разбора в коробку, стоявшую рядом. Откинувшись на спинку кожаного кресла, она издала унылый стон. Компании «Нантук Девелопмент» придется еще пару месяцев подождать новой технологии сноса, которая, как она надеялась, позволит состарить камни с такой скоростью, что они прямо на глазах будут превращаться в пыль. В комнате, полной торговцев и правительственных чиновников – даже сам бейлиф пришел, – она объявила о ней как об уже подготовленном ею изобретении, новом слове в технологии безопасного сноса. Она пообещала, что грозящие обрушением здания можно будет сносить за один день. У Лутто загорелись глаза, когда он это услышал, и речь пошла о сообразительной субсидии.

Однако результаты, к которым привел ее сегодняшний эксперимент, на годы состарили ее саму. Вся чертова теория на месте, вот они, листки пергамента, на стене, все сплошь исписаны уравнениями, словно какими-то интеллектуальными граффити. Так почему же ни черта не работает?

Дурацкие фермионы. Дурацкие собственные значения. Дурацкая древняя математика.

Один фонарь в комнате вдруг погас, остался гореть второй, у дальней стены. Повсюду валялись книги и бумаги – не все они имели непосредственное отношение к ее работе, и не все были легальны, если уж на то пошло, но это же Виллирен, в конце концов. Банки с химическими компонентами и составляющими, коробки с металлическими деталями, известными и неопознанными, – непривычному глазу ее кабинет мог показаться свалкой, однако для нее это была гавань спасительной независимости.

Оставшись в относительной темноте, она задумалась о том, когда увидит *его* снова. Придется выйти – мысли о Люпусе отвлекали от работы.

Ей надо было с кем-то поговорить.

Сколько же еще ждать?

За пределами работы круг ее общения составляли поэты и вольнодумцы, художники и жрецы подпольных культов, вообще все, кто стремился к известности. Все они развлекались музыкой и играми по случаю, споры и напряженные дебаты продолжались всю ночь, до рассвета, но ей не удавалось посещать эти сборища так часто, как ей того хотелось. Одним словом, компания, которую она водила, совсем не подходила для культистики – женщины, погруженной в вопросы технологий, – но теперь она надеялась застать кого-нибудь из них в «Символисте», маленьком бистро, где огоньки свечей, мерцая, отражались в полировке столов и панелей и в бутылках вина.

Утро было в самом начале, и, может быть, кто-нибудь из ее компании еще там, мучается похмельем, а значит, сможет посидеть тихо и послушать ее. В недрах Старого квартала, где дома наваливались друг на друга в поисках опоры, настроение города менялось совершенно. Это был богемный квартал, характерное место со свойственным ему достоинством, чуждым остальному городу. Квартал куполов, шпилей и Ониксовых Крыл. Запахи благовоний неслись от очагов, у которых, не скрываясь, проповедовали пророки из туземных племен. Румели и люди вместе толклись у прилавков, на которых лежали экзотические товары.

Здание, в котором помещался «Символист», было обманчиво мало, его беленый фасад смотрел на скудный ирен. Когда Беами подошла ближе, кто-то узнал ее и окликнул, какой-то старик в выцветших лохмотьях, с отрешенным взглядом.

Протянув к ней руки, он взмолился:

– Пожалуйста, вы ведь культистка, правда?

– А вам-то что? – ответила Беами, которая терпеть не могла подобного обращения.

– Пожалуйста, спасите нас от грозящей нам опасности. Ходят слухи о войне и других ужасах...

– Слушай, отвали, ладно? Мы вам не спасатели какие-нибудь. Нечего на нас молиться.

Старик упал на колени и подобострастно склонился перед ней. Сколько же им повторять, этим людям? Беами хотела жить своей собственной жизнью, а не принимать всеобщее поклонение, словно какой-то жрец. И она поспешила дальше.

В бистро, в самом дальнем углу, сидел Римбл, тощий коротышка-поэт, бесивший ее своими неизменно ухоженными волосами в сочетании с диких расцветок рубашками. Вот и сегодня на нем была кричащая ярко-оранжевая блуза с цветочным орнаментом. Он полулежал на столе, когда вошла Беами, но, увидев ее, тут же выпрямился и окликнул ее из-под своей зеленой полумаски:

– Беами! Ах ты, жалкая сучка! Пари держу, что ты даже не принесла мне арумового корня. А я-то хотел увековечить тебя в своей поэме, но, увы, придется воздержаться и посвящать стихи более красивой женщине.

– Все твои слова – дерьмо, – отреагировала Беами. – Может, попробуешь почаще держать рот на замке?

– Если бы я молчал, то ты захотела бы со мной перепихнуться.

– С твоим голосом вместо контрацептива?

В общем, все как всегда, обычный безобидный треп. Все знали, что Римбл слишком боится подхватить сифилис, чтобы и в самом деле переспать с кем-нибудь; они были знакомы так давно, что его самые изобретательные и неожиданные нападки ее не раздражали, скорее наоборот. Да и его самого она любила.

В бистро уже подавали утренний кофе и жареные лепешки с копченой рыбой. Двери здесь никогда не закрывались для посетителей. Недалеко от входа сидели две парочки, молодые люди и их девушки с любопытством и надеждой разглядывали представителей богемы, собиравшихся здесь, видно желая к ним присоединиться.

Вдруг Беами подумала, что зря пришла сюда. Ей так хотелось излить кому-нибудь душу, поговорить с кем угодно, но обнаружившаяся в бистро небольшая толпа отбила у нее желание откровенничать. Из знакомых тут был один Римбл, однако внезапно откуда-то со стороны черного хода появилась Зизи – как всегда, в шубе и сапогах на высоком каблуке. Ей было без малого пятьдесят, но второй такой же гламурной дамы, как Зизи, Беами ни разу не встречала. Она сделала себе имя на сцене и до сих пор носила сценический псевдоним. Ее окружали в основном люди театра и танцоры, да она и сама придумала в свое время два-три танца, разошедшихся по всем островам Бореальского архипелага. Позже она бросила сцену ради любви к мужу, богатому банкиру из Виллджамура, а тот, не успев жениться на ней, уже закрутил на стороне роман с молоденькой. Зизи, брошенная, с разбитым сердцем, никогда больше не танцевала. Беами считала себя не менее сильной женщиной, чем Зизи, и ее тем более волновало то, что такая целеустремленная и независимая особа могла бросить карьеру ради любви. Она была не из тех, кто сексуальностью завоевывает себе место в мужском мире; напротив, Беами стремилась заработать себе положение, и потому история Зизи всегда казалась ей особенно грустной.

Зизи, хорошо зная настроения своей темноволосой подруги, с одного взгляда поняла, что что-то случилось, и предложила сесть и поговорить. Римбл опять погрузился в сон, а Беами отрывистым шепотом сообщила, что Люпус вернулся.

На лице Зизи отразилось изумление, потом она шутливо сказала:

– Дорогая, ты слишком хороша, чтобы всегда принадлежать одному мужчине.

– Я не такая, – оборвала ее Беами.

– Тише, детка.

– Извини. Я просто не из тех женщин. Да, у нас с Малумом есть кое-какие проблемы...

– Проблемы? Да ты его терпеть не можешь.

– Это неправда.

– И мы все его терпеть не можем. Он такой жуткий, зловещий какой-то.

– Он не такой. Ты ведь не знаешь его так, как я. – Друзья уже не раз пытались уговорить ее бросить мужа, а Римбл однажды вечером даже предложил пойти к ней домой и заколоть его, а потом обессмертить это деяние в стихах.

Зизи продолжала, теперь уже всерьез:

– Слушай, я знаю, свои проблемы есть у всех, но тебе надо решать: либо ты остаешься с Малумом, либо уходишь от него... сейчас.

Беами колебалась.

– Такие ситуации становятся серьезными и даже опасными, когда... – Лицо Зизи смягчилось, взгляд ее пронзительно-зеленых глаз словно обратился внутрь. – Слушай, а почему ты здесь? Вряд ли ты пришла сюда только для того, чтобы спросить у меня совета, особенно если ты уже назначила ему встречу.

– Духи, – немного подумав, ответила Беами. – Я хочу найти один аромат, который использовала раньше. Люпус обожал его на мне. Это звучит странно, я знаю.

Зизи схватила ее за руку:

– Значит, ты уже решилась. Я всегда говорю: не позволяй мужчине становиться тебе поперек дороги – и сейчас это повторю. Не знаю, кто такой Люпус, но не бросай ради него все, что у тебя есть. Не позволяй страсти разрушить твою жизнь.

– Он не из тех, кто разрушает чужие жизни. Такой мужчина у меня уже есть.

– Ну, вот тебе и ответ.

– Люпус... он другой.

Взгляд Зизи вернулся в реальность.

– Расскажи мне о нем.

Беами задумалась, вспоминая о прошлом.

– Было время, когда он вытирал столы и подавал выпивку в одном из самых модных баров Виллирена, хотя это ни о чем не говорит. Того бара больше нет, его давно закрыли. Все, что от него осталось, – это мои воспоминания, образы юности, когда жизнь была приятнее и проще.

– Ну, ты еще не настолько стара, чтобы говорить такие вещи. Вот подожди, доживешь до моих лет. Тогда все будет так просто, ты и представить себе не можешь. Значит, ты бывала в том баре?

– Да, заходила иногда с девчонками, честолюбивая молодая культистка, любительница дешевого вина.

– Некоторые вещи с годами не меняются, – улыбнулась Зизи.

– Ты права. Подозреваю, что у него возникли ко мне какие-то чувства, так он смотрел на меня иначе, чем на других, а когда наши взгляды встречались, он никогда не отводил глаза первым. А я сидела и болтала с разными мужчинами, которые подходили познакомиться, и периодически посматривала на Люпуса. Любовь питается ревностью – так он сам сказал мне однажды. А еще он сказал, что, работая в трактире, часто видел это. Короче, как-то раз он

помог мне подняться с пола, принес большую кружку воды и подождал, пока я протрезвею. У него были такие милые глаза – как у волчонка.

– Дорогая, как это романтично! Ты облевалась, а он помог тебе умыться.

– Зизи, заткнись! Все было совсем не так – нам было весело. А еще мы много развлекались друг с другом, и это тоже было приятно. До Оледенения можно было уходить в степь или в лес на многие мили от города. Мы ставили где-нибудь палатку и проводили долгие летние вечера в объятиях друг друга. Иногда мы уходили подальше от моря, туда, где озера, удили рыбу, жарили ее на костре. Я ставила силки на зайцев, а иногда пользовалась его луком и стрелами, чтобы завалить оленя. Мне нравится наш остров, наш Й’ирен. Здесь можно чувствовать себя так, словно ты один на свете. Иногда мы любили друг друга по четыре раза в день.

– Хватит. А то я буду завидовать. Надо выпить, и мне плевать, что еще рано. – Зизи встала, подозвала молодого официанта и приказала ему принести виски к ее кофе. Усевшись снова, она сделала Беами знак продолжать. – Первый раз за год слышу историю о чем-то похожем на любовь.

– Короче, я была старше на два года. Он был податлив, наверное поэтому нам было так хорошо вдвоем. Мне иногда надо было кем-то верховодить, а он терпеть не мог принимать никаких решений. А еще мне часто хотелось поделиться с кем-то своими неприятностями, а он любил слушать.

– И чем все кончилось? – спросила Зизи. – Все у вас было славно, но из-за чего-то вы все же расстались?

– Армия, – объяснила Беами. – Он хотел поступить в Ночную Гвардию, а я хотела остаться тут и продолжать работу. В империи редкая женщина представляет собой что-то сама по себе, а мне тогда казалось, что реликвии способны дать мне такую возможность. Я не хотела жертвовать своими занятиями ради кого бы то ни было. Мы начали ссориться, стали вытворять такие вещи, ну, знаешь, бесили друг друга, делали так, чтобы каждый хотел другого больше. Он обещал, что будет часто писать, и сначала я действительно получала длинные письма, по несколько страниц каждое, потом они стали все короче и короче и наконец превратились в записочки. Вскоре и они перестали приходить.

– Ну вот, – объявил внезапно проснувшийся Римбл, на которого к тому же напала болтливость, – теперь ты разбиваешь мне сердце. Я написал бы об этом стихи, да ведь ты подотрешь ими задницу. – И он принялся тереть золотые кисточки, свисавшие с края его маски.

– Твои стихи даже на такое простое дело не годятся, ты, кретин поганый, – объявила Зизи, а Беами расхохоталась.

Как будто используешь реликвию, чтобы проложить путь назад, в свое прошлое.

Вот она, редчайшая возможность, шанс, который дается немногим. Беами не помнила, когда она в последний раз переживала подобное: страх выжигал ей внутренности, ее беспокоило, хорошо ли она выглядит, свежее ли у нее дыхание, не слишком ли резкие, в конце концов, подобрала она духи. Ее волновало, как он относится к ней теперь, спустя годы: по-прежнему или иначе? Глядя в зеркало, превратившееся для нее в орудие самоанализа, она отмечала изменения, привнесенные возрастом. И все же она была еще молода. Ведь не века прошли с их последней встречи.

Надев свой самый лучший наряд – темно-красное платье с черной шалью, образ, который в Виллирене не выходил из моды уже пару лет, – она ждала. Ждала *его*.

Беами оглядела свою комнату. В ней было полно дорогих вещей: резное красное дерево с другого острова, тончайшей выделки ковры и занавеси, украшенные орнаментами племен, о которых здесь никто не слышал, безделушки, неведомо как называвшиеся и для чего

предназначенные, хрустальный консольный столик. Роскошь служила здесь демонстрацией богатства ее мужа, но ее заботило не это. Более глубокое чувство ослабило ее связь с вещами.

О чем я думала, приглашая его сюда?

Отопительная система снова зашла в сиплом кашле, где-то попало в трубу огненное зерно. На улице мело, снег привлек ее внимание, и она подошла к окну взглянуть на внешний мир. Люди еще не попрятались по своим домам, напротив, укутанные в меха, они сновали взад и вперед по улицам, занимаясь своими делами: кто-то продавал биолюмы, торговцы спешили на ирен, телеги и фиакры стучали колесами по мостовым.

А вдруг Малум раньше времени вернется домой?...

Сейчас Малума не было, но ведь это, в конце концов, дом их семьи и его собственность. Хотя, с другой стороны, чего она так боится? Можно подумать, она уже с головой запуталась в сетях любовного романа, а не готовится исследовать свои бывшие эмоции, к которым она не возвращалась много лет, которые пыталась забыть. И все же, что ни говори, отдаться этому давно не испытываемому волнению было приятно. Снова начать чувствовать с такой силой – просто *начать чувствовать*. Это было похоже на игру, и ей показалось, что она вот-вот лопнет от нетерпения.

А может, это просто похоть? Она понадеялась, что нет.

Стук в дверь.

Она застыла на месте, но скоро поняла, что отвечать придется самой. Спустившись вниз и часто дыша, она открыла дверь одному из наемников Малума.

– Прошу прощения, мадам, – пророкотал плечистый громила в толстом плаще и с голой, как колено, головой. – Тут к вам военный. Говорит, ночной гвардеец.

– Да, все верно... Я его жду. Это касается разработки новых методов защиты. – Она совсем забыла про этих типов. А что, если они донесут обо всем Малуму? Нельзя, чтобы он ее в чем-нибудь заподозрил, а значит, надо вести себя спокойно.

– Хорошо. – Охранник сделал жест куда-то в сторону.

Один миг, и Люпус уже стоял перед ней, озадаченно глядя на громилу, которого он только что обошел. На нем была форма ночного гвардейца, вся черная, не считая едва заметных узоров декоративных швов и золотой имперской звезды на груди. Только теперь Беами поняла, как он возмужал.

Она впустила его в дом и заперла за ним дверь.

– Давайте пройдем в кабинет и продолжим обсуждение там. – Она сказала это громко, чтобы громила за дверью слышал, и Люпус, судя по его лицу, понял зачем.

– Ведите. – Люпус эксцентрично взмахнул рукой, подыгрывая ей.

Сердце Беами билось так, что едва не выскочило из груди, пока они шли по коридору и входили в подвальную комнату, где она занималась исследованиями культистских технологий.

Там она зажгла три фонаря – на ощупь, наизусть зная расположение всех вещей, – но все же едва не опрокинула один из них, так она волновалась. Любому чужаку эта комната должна была показаться огромной свалкой, скоплением любопытных, но непонятных для непосвященного деталей. Однако она годами изучала и описывала эти предметы, систематизировала их, проводила с ними опыты, сначала одни, потом другие, непрерывно гадая, суждено ли ей раскрыть загадку какого-нибудь инструмента древних и не закончится ли это ее смертью.

Она отодвинула в сторону реликвию бротна – большой разлапистый конус с завивающимися проволоочными усиками на вершине.

– Что это? – спросил он.

– Проект, который я делаю для каменщиков и архитекторов, – объяснила она, дивясь тому, зачем они тратят время на разговоры о ее работе. А сама уже рассказывала ему, что

нашла способ обращать камень в пыль мгновенно и что ее идея заинтересовала городских чиновников и бизнесменов. В то же время она чувствовала, как у нее пересыхает во рту и нервы берут свое.

А еще она разглядывала его: он стал более мускулистым, чем ей помнилось.

Люпус с любопытством поворачивал голову то в одну сторону, то в другую: вот, на стене, диаграммы, наброски, россыпь таинственных знаков, едва понятных ей самой. Да, и его профиль тоже стал другим: более четким, определенным.

Наконец он повернулся к ней:

– Прямо головоломка какая-то, а не комната.

Не дав себе даже возможности ответить, она набросилась на него, прижала к стене и стала целовать, но почти сразу отпрянула, напуганная стремительностью своих действий.

– Зачем ты это сделала? – спросил он, улыбаясь.

– Не знаю. – И она забегала по комнате, запустив пальцы в волосы, чувствуя, как учащается пульс. – Я не знаю.

– Мне этого не хватало, – сказал он. – А еще я скучал по твоему запаху, все эти годы.

У Люпуса были большие, полные участия глаза. Он всегда умел растопить ее сердце одним лишь взглядом. Вот и теперь он взял ее ладони в свои.

– Я никогда – ни на один день – не переставал думать о тебе.

Возможно, все дело было в Оледенении или в надвигающейся войне, но ей вдруг так захотелось жить, прожить этот миг сполна, и она уже ничего не могла с собой поделать. Его прикосновение пробудило в ней воспоминания о прошлом: она вспомнила старание, с которым он предупреждал каждое ее желание, как он целовал ее туда, куда она особенно любила, как его руки исследовали ее тело для ее удовольствия не меньше, чем для его собственного, даря радость им обоим.

Похоже было, что они могли продолжать с того, на чем прервались несколько лет тому назад, и потому она нисколько не возражала, когда он раздвинул на ней слои одежды, сбросил на пол ее плащ; напротив, она вся отдалась ощущениям. Пала жертвой своих страстей. Его ладони скользнули вдоль ее боков, и она уцепилась за его запястья – сначала для того, чтобы сбросить их с себя, но тут же поняла, что вместо этого удерживает их на месте.

– Пойдем куда-нибудь, – предложила она.

– Зачем? – спросил Люпус.

– Боюсь, как бы кое-кто не вернулся. – Все сейчас висело на волоске: ее жизнь, ее дом, ее брак – весь ее мир.

Под ее столом хранилась реликвия хеймр. Она установила ее на треногу по колено высотой, треногу поставила на пол, лишь ей одной известным способом подкрутила ручки настройки, все время прислушиваясь, и наконец повернула крошечный шарик на его вершукше.

– Подойди сюда, – скомандовала она Люпусу.

Схватила его за руку, снова коснулась шарика и ощутила, как ее кожа... растя-а-а-ну-у-ла-а-ась, затем покалывание прекратилось...

...полог пурпурного сияния застлал ей глаза... и они ступили на луг.

Когда она обернулась, Люпус стоял, прикрыв глаза рукой от яркого солнца. Его волосы золотились на свету, вся сцена, казалось, была заключена в каком-то нескончаемом полдне. Воздух вокруг дрожал от зноя.

– Что за чертовщина?... – Лишившись дара речи, он топтался на месте, поворачиваясь кругом, разглядывая окрестности вблизи и на горизонте, в точности как это делала она сама, когда попала сюда впервые. – Где, черт возьми?...

Они стояли на дне неглубокой долины, где широкий луг полого спускался к реке, с левой стороны высилась небольшая роща; над их головами вскрикивал ястреб. Трава пестрела яркими орхидеями, насекомые, жужжа, перелетали с цветка на цветок. Осока и папоротник росли вблизи деревьев – дубов и ясеней – в отбрасываемой ими густой тени. Пряные запахи шли от реки, поднимались от растений; трава, цветы, кроны деревьев – все подставляло себя ласковому ветерку, совсем не так, как где-нибудь на Й’ирене. А еще было очень жарко; никогда в Виллирене она не ощущала такой жары, как здесь, под этим ярко-синим небом, в котором царило *желтое* солнце.

Она мечтала об этом – привести его сюда, в ее тайное место, никогда до конца не веря, что это случится.

– Как ты это делаешь? – спросил Люпус, глядя на треногу так, словно она могла что-то ответить. Он снова описал полный круг, разглядывая пейзаж, впитывая взглядом плавные очертания холмов. – Где... где мы?

Она объяснила ему, что они вышли из своего обычного времени, а может быть, покинули даже и сам Бореальский архипелаг. Много раз она приходила сюда одна, проводила здесь несколько часов, исследуя, сравнивая, зарисовывая, пыталась начертить карту этого места, но еще никогда не встречала ни человека, ни румеля. Неподалеку обитала небольшая колония гаруд – на южном берегу реки, в паре часов ходьбы от этого места, но они не желали общаться.

Никто больше не знал о существовании этого затерянного мира, никто, даже Малум. Это была ее тайная территория.

Ее способность прокладывать дорогу сквозь пространство, похоже, потрясла Люпуса. Сама она не считала ее признаком какого-то особого мастерства, скорее уж результатом многих часов упорной работы. Все, что для этого требовалось, – умело манипулировать реликтовыми технологиями, которые эоны тому назад создали древние расы. Никакой ее заслуги тут нет, как и вообще во всем, что связано с реликвиями; высокомерие, вызванное умением обращаться с ними, гордость от обладания знаниями, недоступными другим людям, – вот что она больше всего ненавидела в своих коллегах-культистах. Они просто взяли и присвоили реликвии себе, вот и все, и тысячи лет продолжают делать вид, что так должно быть.

– Так вот где ты так загорела, – заметил Люпус. – А я-то все думал, отчего это ты такая смуглая да здоровая.

Беами засмеялась и снова обвила его руками, зная, что теперь их точно никто не потревожит. Вместе они опустились на колени во влажную траву, их губы слились в страстном поцелуе; солнце припекало ей спину, и все ее печали словно испарились под его целительными лучами. Чистой воды эскапизм, фантазия, бегство от чувства вины.

Избежав на краткий миг холодной реальности, ожидающей ее в Виллирене, она не желала думать ни о будущем, ни о прошлом. Ей хотелось лишь одного – ощутить на своих губах вкус его кожи, и она раздела его, а он раздел ее. Когда рядом с ними уже громоздилась гора одежды, он увидел дикарское серебряное ожерелье – он сам надел его ей на шею много лет назад, и она с ним не рассталась. Он поцеловал сначала его, потом ее ключицу, спустился губами ниже. Он касался ее нагого тела с уверенностью волка, оббегающего свои охотничьи угодья. Она не сопротивлялась, когда он положил ее на спину, и сама раздвинула ноги, и вот в непривычном жаре этого чужого тайного мира они отправились в увлекательное путешествие, заново открывая тела друг друга.

Потом она продолжила знакомить его со своим тайным миром, полностью отдавая себе отчет в символичности этого поступка. Это было непросто – нелегко оказалось снова впустить его в свою жизнь.

Любила ли она еще Малума? Непростой вопрос. Привязанность к нему у нее еще сохранилась, но вот быть с ним рядом ей уже не нравилось, как не нравились его приступы ярости, превращавшие его едва ли не в монстра. Когда он в последний раз интересовался ее успехами? Наверное, когда они говорили о големах, но стоило ей признаться, что она в этом не специалист, как он тут же потерял интерес. Время, проведенное сейчас с Люпусом, восполняло месяцы, нет, годы имитаций бесед с Малумом. Как они с Малумом стали чужими друг другу? В какой момент он перестал удовлетворять ее эмоциональные потребности?

Беами и Люпус говорили о пробеле, возникшем в их общении, о былых годах и общих знакомых, о пришествии Оледенения, медленно, но верно захватывавшего острова Борельского архипелага, меняя их жизни и жизни всех вокруг. У нее было такое чувство, что именно лед и снег придавали особую остроту всему, что должно было случиться. Возможно, поэтому она и открылась Люпусу снова.

Ею владел какой-то неопределенный страх перед Малумом, она боялась, что, узнав о происхождении, он причинит ей боль, но пока они с Люпусом находились здесь, в этом ином мире, им ничто не грозило, а еще она знала, что они вернутся на архипелаг в тот же самый миг, когда исчезли с него.

Здесь пейзаж казался ей особенно красивым именно теперь, когда они любовались им вдвоем. Яркий солнечный свет, по-разному отражаясь от разных поверхностей – травы, воды, крон деревьев, – придавал им новое качество, и все вокруг казалось божественно прекрасным. Мимо ходили, летали и ползали неведомые существа, чьи тела не походили ни на что виденное ими раньше: топали четвероногие чудища с ромбовидными панцирями на спинах, прерывисто жужжа, пролетали розовые насекомые величиной с кулак.

Время от времени над ними проносился гаруда, так низко, что поток воздуха, создаваемый его крыльями, пригибал осоку вокруг. Беами и раньше пробовала вступать с ними в контакт, кричала, делала знаки, но они то ли не понимали джамурского языка жестов, то ли просто игнорировали ее, бесстрастно поднимаясь в небо.

Вокруг были видны следы какой-то незнакомой ей цивилизации. Тесно стояли развалины причудливых домов, смесь разных форм и материалов. Памятники, изуродованные временем; плющ и лишайник давно уже облюбовали их для себя, стерев и изгладив с камней всякий след прошлого. Они с Люпусом постояли на цветной плитке, которая выступала кое-где из травы, и сквозь неведомо как устоявшую арку окна полюбовались видом.

Оба притихли, придавленные охватившим их ощущением глубокой древности.

Беами рассказала любовнику о названиях, которые она дала некоторым здешним уголкам и созданиям, – незамысловатых, придуманных лишь для того, чтобы хоть как-то приблизить к себе этот тайный мир, который она посещала уже больше года. Люпус захотел назвать что-нибудь своим именем и приставал к ней до тех пор, пока она не уступила и не переименовала в его честь одну невзрачную рыбку.

Периоды молчания их не тяготили: исполненный нежности жест, ищущий взгляд – все это о многом говорило им обоим. Они сидели в тени ивы, чьи длинные плакучие ветви колыхались на ветру. Беами все же не очень хорошо справлялась с непривычным теплом.

Рассказывая друг другу о проведенных в разлуке годах, они незаметно подошли к настоящему. Стоило Люпусу вспомнить о предстоящей войне и о грозящей городу опасности, как настроение у обоих испортилось. Он заговорил о своем долге солдата Ночной Гвардии, о связанных с его службой понятиях чести, гордости и преданности, даже описал ей ритуал усиления тела, через который прошел еще совсем молодым новобранцем. Когда она стала спрашивать его о жидкостях, которые вливали в его жилы культисты, он ничего не смог ей ответить, сказал лишь, что тогда было очень больно, зато потом любые раны стали заживать на нем с невероятной быстротой. Лежа головой на ее плече, он рассказывал ей

об их последнем походе на Тинеаг'л, о том, что они увидели на острове, описал, как мог, странную расу пришельцев, с которыми им довелось воевать.

– А тебе не страшно, что ты можешь умереть? – спросила она с тревогой.

Он ответил ей кривой ухмылкой, которая могла означать все, что угодно.

– Я ночной гвардеец. У меня усиленное тело. Я один из лучших в отряде. Конечно, я могу умереть – умереть может всякий, – но мои шансы на выживание куда выше, чем у обычных солдат. Но если я все же умру, то встречу смерть, выполняя свой долг, защищая других, ибо это моя сущность, меня так учили. Я давно свыкся с мыслью о том, что смерть – часть моей профессии.

Она молчала, и тогда он добавил:

– Я не жду, что ты меня поймешь, но тебе придется принять меня таким.

Она все сильнее боялась, что армия снова заберет его у нее. Их разговор тек часами, но мог бы продолжаться и днями, они не заметили бы разницы. Но наконец оба ощутили, что пора назад. Чувство вины настигло их.

Достав хеймр, Беами приложила к реликвии ладони и закрыла глаза, вслушиваясь в изменения токов под поверхностью металла. Очутившись опять в ее кабинете, они оба с такой остротой почувствовали окружающий их холод, что даже открыли рты и сделали глубокий вдох, словно вынырнув из-под воды.

– В тот же самый миг, когда исчезли, – заверила она его, заметив, как он озирается. – Тебе, наверное, лучше уйти. Я не хочу, чтобы он узнал.

– Конечно, – отвечал он и склонился к ее губам для поцелуя. Страсть уступила место нежности, которую она наверняка с тоской будет вспоминать потом.

Она проводила его до двери, сунув ему в руки какие-то документы для отвода глаз. Из окна второго этажа она смотрела вслед Люпусу, когда тот, не оглядываясь, решительно шагнул сквозь снег, возвращаясь в город.

После его ухода в доме настала плотная тишина.

Глава девятая

В новом городе надо было найти новое место, где можно было выпить. Раньше, в Виллджамуре, он любил зайти в бистро, сесть со своим блокнотом где-нибудь в углу за столик и, прихлебывая ароматный чай, наблюдать за тем, как движется мир вокруг. Проходя по здешним иренам, он уже отметил, что еды на них продается на удивление много, а он-то думал, что Оледенение приведет к нехватке свежего мяса. По крайней мере, у них дома сельское хозяйство рухнуло уже давно, и только те производители, кто побогаче, могли себе позволить – не без помощи культивистов, конечно, – поставлять на рынок свежатину. А в этом городе до сих пор не перевелись повара, которые, причудливо соединяя древние рецепты аборигенов с современными кулинарными приемами, могли в считанные минуты соорудить обед в лучших виллджамурских традициях.

Поставив перед собой задачу устроить на новом месте новую жизнь, Джерид вдруг задумался над тем, что вот уже сто восемьдесят лет он служит в инквизиции и за все эти годы у него не было и двух одинаковых дней. Интересно, дальше тоже так будет?

Самые необычные бистро встречались в Старом квартале, особенно те, с барочными завитушками, прятавшиеся в самой тени Крыл. В одно из них он зашел – там оказалось тепло, но не жарко, красные и белые плитки в шахматном порядке покрывали пол, за столиками сидели клиенты, довольно состоятельные с виду. Курильницы с ароматическими травами стояли на прилавке, за которым бездельничали две светловолосые девицы: одна просто стояла, сложив руки на груди, другая неспешно вытирала тарелку. Помещение было большим, естественного света в нем не хватало, и в полированных поверхностях столов дрожали отраженные огоньки свечей. Посетителей было немного, всего человек десять – больше в разгар утра по всему миру ни в одном бистро и не увидишь. Все они тут же устали на Джерида, мужчины без масок – те вообще смотрели холодно и враждебно. О подобных проявлениях неприязни по отношению к его расе он уже слышал от одного румеля в инквизиции.

– Доброе утро. – Джерид повесил свой плащ на спинку стула за угловым столиком, потом снял шляпу.

Да, не очень-то они тут приветливы, но, как знать, может, для северного города такое поведение вообще норма.

– Доброе утро, – заговорил с ним наконец один из них, седобородый мужчина с маленькими глазками. – А ты, как я погляжу, румель?

– Точно, – буркнул в ответ Джерид и обратился к официантке: – Черный чай с булочкой, пожалуйста.

– Румели сюда обычно не заходят, – прохладно заметил седая борода.

– Вот как? – Джерид, покряхтывая, опустился на стул. «Старость не радость».

Седая борода встал, а его спутница, женщина в синей маске и плаще в тон, отвела взгляд, возможно смущаясь.

– Ты, друг, кажется, не понял.

Джерид ответил ему взглядом в упор, внезапно как-то особенно отчетливо ощутив, что кожа у него темная и шероховатая, глаза навывкате и блестят, а сзади хвост. Да, давненько ему не приходилось сталкиваться с этой гадостью.

– Прошу прощения, я не представился. – Расстегнув верхние пуговицы своего одеяния, он показал инквизиторский медальон – угловатое изображение алхимического тигля. – Следователь Румекс Джерид, приятно познакомиться. Я в этом городе недавно, так что не успел разобраться, какие места здесь кишат ублюдками, а какие нет. Все еще выясняю.

– А... – замешкался седая борода, отчаянно мечтая дать задний ход. – Ну... я вижу...

– Все, что ты видишь, – это румель, да? Понимаю. Что ж, придется тебе потерпеть полчаса, пока я съем вкусную булочку, а не то я зашвырну твою задницу в тюрьму на сегодняшнюю ночь, где сокамерники тебя побьют, а может, и что похуже. Ну ладно, хватит, чтобы произвести впечатление на твою куколку, друг?

Тут как раз явилась официантка с заказом Джерида. Судя по ее нахальной улыбке, представление ей понравилось. Он подмигнул девице.

Седая борода вернулся за свой стол, где сразу затеял отрывистую перепалку со своей спутницей. Румели составляли на архипелаге этническое меньшинство, и Джериду, конечно, приходилось сталкиваться с расизмом и раньше, но Виллджамур уже давно просветили на этот счет, и он как-то не ожидал встретить в другом большом городе что-то подобное. В столице последний трактир «только для людей» закрыли еще до его рождения. Да, видно, здесь, на севере, все и впрямь иначе.

Откусив от булочки – прекрасного произведения кондитерского искусства с сочащейся медом сердцевинкой – и отхлебнув чаю, он нашел, что атмосфера в заведении значительно потеплела.

Ранний подъем каждое утро и рабочий день, начинавшийся в восемь утра, помогли ему быстро войти в колею; затем чашка хорошего чаю и разговор с теми из новых коллег по инквизиции, кто еще не утратил энтузиазма, – так он входил в дела. На новом месте его начинали уважать, и он знал это. Нетрудно было догадаться, в чем причина такого отношения: он был единственным, кого на самом деле интересовали преступления и их раскрытие, – факт, удивлявший его самого.

Он попросил, чтобы ему дали какие-нибудь нераскрытые дела, и скоро на его столе появилась целая стопка папок.

Он пролистал все бумаги в поисках какой-нибудь зацепки по делу Хауста. Все было как всегда в любом большом городе: кражи, изнасилования, разбойные нападения, убийства. Вот только люди стали исчезать чаще, но никто не удосужился заняться этим фактом. Любопытным показалось ему и увеличение количества порноголемов – женщин-кукол изготавливали и распространяли через бандитские сети культисты, к вящей радости изголодавшегося по сексу мужского населения Виллирена и для облегчения участи проституток, которым теперь не надо было часами стоять на холоде, дожидаясь клиентов и рискуя заработать пневмонию. Джерид несколько не удивился, когда кто-то намекнул ему, что эта торговля процветает с благословения самого бейлифа, а потому инквизицию просили воздержаться от вмешательства, просто ему стало тошно.

А вот и вчерашние убийства: четыре отчета о мертвых телах с колотыми ранами на шеях, высушенных, как фиги, хотя эти не пропадали надолго – их нашли позади трактиров, где они пили накануне, и никого не удивляло то, что они плохо кончили. Да и вообще, в инквизиции существовал специальный отдел, занимавшийся именно такими делами, так что позже их у Джерида забрали.

Час спустя, завершив знакомство с делами, Джерид оказался за одним столом с тремя своими начальниками – сивыми румелями намного старше его самого, пьяными с самого утра.

Он изложил им суть нового дела, чтобы получить у них разрешение на его расследование; они не возражали. Никого в инквизиции, похоже, не интересовало, чем именно он там занят, и это одновременно раздражало и радовало Джерида. Зато никто не мешает, не наваливает на него административные дела, не связывает его по рукам и ногам путами бумажной работы.

Джерид приступил к опросу всех, кто заявлял о случаях пропажи людей. За дело он взялся основательно, обходя улицу за улицей в сопровождении Нандзи, которая помогала ему так же старательно, как и раньше.

Джериду она нравилась. Ее присутствие приносило в их партнерство столь необходимую ему стабильность, ее отличал гибкий, неординарный ум. А еще она регулярно приносила ему чай. Следила за тем, чтобы возле камина в его кабинете не кончился запас топлива. Она навела порядок в его заметках, принесла карту – без всякой просьбы с его стороны. Но она не только помогала Джериду – она успевала еще заниматься нуждами и проблемами женщин и ребятишек, которые постоянно толпились у здания инквизиции, и то и дело рассказывала ему жуткие истории о том, с чем они туда приходили. Да, хорошие помощники на дороге не валяются.

Исходив пешком едва ли не весь город, они выяснили, что у пропавших людей было мало общего. Джериду пришлось опросить немало горюющих семей, и в каждом случае он старательно искал малейшие детали сходства истории данного пропавшего со случаем Хауста. Это повышало его шансы разузнать хоть что-то о судьбе исчезнувшего солдата.

Иные дома, казалось, свидетельствовали о крайней бедности своих обитателей: наспех возведенные конструкции без всяких признаков заботы о красоте. Людей запихивали в кубики комнат, к которым примыкали точно такие же комнаты по бокам, снизу и сверху – особенно сверху, такие дома росли все больше ввысь, считалось, что за ними будущее архитектуры и гигиеничного жилья. За ними – прогресс, утверждал Лутто и прикарманивал ренту, а тем временем улица, застроенная такими домами, теряла свое лицо.

Так они и шли: семья за семьей, дверь за дверью, история за историей.

Джерид знал, сам не понимая почему, что многих пропавших уже не найти. Он видел ветхие дома, из которых они исчезли, и думал, что, где бы они ни оказались, там им вряд ли может быть хуже, чем здесь.

Джерид изучал жизнь тех, кем никогда не интересовались власть имущие. Люди, потерпевшие катастрофу: женщины, едва удерживавшиеся от слез, мужчины на грани отчаяния, молодые девушки с детишками на руках – хорошо, если не своими собственными, – старики, страдающие заболеваниями, которые он не знал, как описать. Всеми забытые, они гнили в своих домах, прекрасно осознавая, что не нужны этому городу. Джерид понимал, что он – первый следователь, который расспрашивает этих людей об их исчезнувших родственниках. Матерей, оставшихся без старших сыновей и дочерей, от чьих заработков они зависели. Мужей, потерявших жен, с которыми они прожили тридцать лет. Детей, лишившихся родителей.

Вы ведь найдете их, правда? Вы нам поможете?

Многие говорили, что не могут найти работу, а без нее как выжить на улице в Оледенение? Другие жаловались, что бейлиф нарочно обескровил профсоюзы, ввозя такую дешевую рабочую силу с островов, что им теперь платят сущие гроши. Кто-то рассказывал о выпущенных Лутто листках, в которых разъяснялось, что выплата социальных пособий прекращается, поскольку эти деньги пойдут на оборону города от врагов с севера. На самом деле это его очередная уловка, вариация на ту же тему, как несколько лет назад, когда речь шла об угрозе дикарей-террористов с Варлтунга. Лутто создавал атмосферу напряженности, чтобы простолюдины знали свое место.

Если эти люди и знали о неизбежности войны, то никак этого не показывали.

Разве можно уничтожить народ, который уже сломлен?

Однако они с Нандзи обнаружили и кое-что интересное: пропадали в основном люди престижных профессий – торговцы, трактирщики, кузнецы. Джерид даже расстроился из-за того, что в инквизиции просмотрели такое важное обстоятельство.

В штаб-квартиру инквизиции они возвращались под падающим снегом, создававшим таинственную атмосферу.

– Не слишком красивая картинка получается, правда? – Джерид так задумался, что даже забыл на время о присутствии Нандзи. А ведь ей, наверное, трудно пришлось сегодня.

– Я и понятия не имела о том, что в городе все так плохо, – призналась она. – Не похоже, чтобы мы чем-то могли им помочь, или нет?

– Хороший следователь, – отвечал Джерид, – всегда видит возможность выбора, даже когда другим кажется, что выбора у него нет. Он инстинктивно знает, как поступить правильно. Его выбор состоит в том, чтобы что-то делать.

– Похоже, что, кроме вас, хороших следователей больше не осталось, – заметила Нандзи.

– Вот и у меня такое чувство, как будто я один удерживаю целый форт.

Еще один долгий день подходил к концу, ноги болели, слова застревали в пересохшем горле. Когда Нандзи ушла отдыхать, он сел за стол в своем кабинете – чашка чаю с одной стороны, печенье с другой – и принялся обозревать свои сегодняшние находки.

Начинали вырисовываться кое-какие закономерности.

Во-первых, исчезновения чаще всего происходили между Старым кварталом и морем либо в Дипинге, вокруг цитадели и казарм.

Джерид долго обдумывал это обстоятельство, точно настраиваясь мыслями на его важность.

Что особенного в людях, которые там живут? Надлежало подумать еще и о том, что именно с ними происходило: убивал ли их какой-то ловкий маньяк, или они просто уходили из своих семей накануне неминуемой войны?

Далеко на севере красное солнце садилось рано, и Джерид решил подумать об этом когда-нибудь попозже, когда нечего будет делать в темноте.

Снова шепот, кто-то шепчет в темноте какое-то имя, чужое имя. Снова ночь, Джерид лежит в постели. Его красные штаны в золотых звездочках висят на спинке стула и точно насмеются над ним. Перед сном он читал историческую книгу, найденную им на полке, – именно в такой сухо изложенной информации он нуждался, чтобы очистить мозг на ночь.

Мариса развлекала себя тем, что шарила по библиотекам. В городе не было единого книжного депозитария, небольшие хранилища были разбросаны по разным районам, притягивая к себе местную богему, занимая порой не более одной комнаты или чердака. Нынешняя сфера ее интересов касалась древней архитектуры. Бореальский архипелаг был полон остатками зданий неизвестного предназначения, сооружениями, стертыми временем настолько, что от их бывшего облика не осталось почти ничего, кроме намеков на какую-то эстетику, однако в Виллирене старина встречалась крайне редко. Она надеялась, что ей удастся устроиться куда-нибудь преподавать историю, но здесь мало кого интересовали подобные вещи.

А сегодня вечером она вернулась со своего первого занятия по какой-то таинственной самообороне. Яркие рекламные листки то и дело возникали на разных углах города, заманивая обещаниями безопасности посреди бандитского беспредела. Сам он не успевал за ними: техники то и дело менялись, сегодня восхваляли какой-то удар ножом, завтра – хук в челюсть.

Новейшее достижение в технике борьбы! Система-убийца! Женщины, защитите себя от бандитской угрозы!

Вскоре она вышла из комнаты, чтобы приготовить им чай, и тут он впервые услышал голос: то ли настоящий, то ли это просто шептал ветер – он не знал.

Во второй раз это был точно голос, и он произнес какое-то имя.

Когда он открыл окно и выглянул на улицу, там было пусто. Никто не шел по узкому, неосвещенному тротуару. Неужели за ним следят?

Глава десятая

Малум с удовольствием играл в карты с Джей-Си и торговцем по имени Голль, человеком холерического темперамента, из чьих карманов сота и лордилы текли рекой, заливая стол, на котором шла игра. Малум не нуждался в деньгах, просто ему нравилось выигрывать, правда, иногда его раздражало, что эти типы боятся его и потому не могут сосредоточиться. Голль подрабатывал в минеральной франшизе «Черноглазый пес» и, как поговаривали, при-торговывал рабами, но Малум никогда не видел ни малейших доказательств последнего.

Рядом с ним стоял стакан с кровью, из которого он время от времени отхлебывал, наслаждаясь металлическим вкусом. Здесь, среди своих, не было необходимости скрывать, кто он такой. В углу комнаты, лицом к двери, сидел Мунди, семилетний мальчишка, оставшийся круглым сиротой, когда все его племя перебили имперские солдаты. Обычно он разгуливал с демонстративно независимым видом, небрежно помахивая ножом, больше похожим на мачете.

Мунди отошел в сторону, когда в комнату вошли двое рекрутов банды из самых молодых и устремились к слабо освещенному бару; Малум наблюдал за ними из-под маски. Оба были светловолосы: крепыш Джодил и худышка Дин. Четырнадцать и пятнадцать лет соответственно, они щеголяли в кожаных плащах, едва прикрывающих зад, и тех самых джемперах из падесуа – богатого и тяжелого шелка – с капюшонами, которые купил им на инициацию Малум. К сожалению, они так и не расстались с грубыми самодельными клыками, которые носили в отличие от взрослых, по-настоящему посвященных членов банды, но Малум не возражал – не хотел отбивать у них энтузиазм.

В данный момент оба, похоже, нервничали – переступали с ноги на ногу, сунув руки глубоко в карманы плащей. Эти парнишки ему нравились. Их отличало глубокое чувство преданности, проистекавшее из того, что оба потеряли своих отцов-моряков, а другой родни у них не было. Оба оказались в свободном плавании, а Малум приветил их, обогрел, накормил. Немало новичков именно так и попадали в его банду.

Малум бросил карты, а Джей-Си встал и пошел побранить малолеток за то, что те испортили игру.

Малум положил руку ему на плечо:

– Брось, все нормально. – Он сделал Джей-Си знак вернуться на свое место. Потом обратился к малолеткам: – В чем дело, парни?

Джодил, тот, что покрепче, заговорил, от волнения едва справляясь с дыханием:

– Мы потеряли Диб. Мы были внизу, у кладбища. Сторожили там, чтобы посмотреть, не принесут ли кого из придурков из «Крика» после вчерашней потасовки. Потом Диб решил докопаться до тех двоих чудных стариков. И... И...

– Не так быстро. – Малум подошел к ним и отечески приобнял каждого за плечи. – Сядьте и расскажите все как было.

Спокойный голос, близкий телесный контакт: как раз то, чего двоим юным уличным бойцам не хватало в данную минуту. Малум зыркнул на торговца, и тот, ни слова не говоря, сгреб свои монеты и смотался из бара. Юные члены банды «Кровь» заняли места за столом.

– Итак, – Малум подался вперед, положив руки на стол и глядя в глаза парнишкам, – что там стряслось с Дибом?

– Помер, – буркнул Дин.

– Ага, наверное, – поддакнул Джодил.

Малум задумался над их жестами.

– Похоже, вы сомневаетесь.

– Те старики, – продолжал Джодил, – они что-то делали с могилами. Одну даже разрыли.

– С могилами бандитов? – переспросил Джей-Си.

– На кладбище других нет, – фыркнул Малум. Всех, кто нарушал закон, хоронили в земле, а не сжигали, чтобы их души и после смерти оставались в городе: посмертное заключение.

– Какая разница, – продолжал Джодил. – Диб пошел посмотреть, что там творится, и стал их обзывать.

– Зачем?

– Ну, ты же знаешь, какой он. Придурок. Вечно ему надо выделяться.

– Те люди, что они там делали? Вы разглядели?

– Один был лысый, – сказал Дин, – на другого мы не посмотрели. На обоих было много одежды, в несколько слоев, и все темное.

– А что они сделали с Дибом?

– Схватили его за шею – вот так – и швырнули в могилу.

Малум жестом велел им продолжать.

– Там что-то вспыхнуло. Тут мы сообразили, что они культисты. А потом Диб подняли из могилы те штуки, которые уже были там.

– Трупы, что ли?

Юнцы дружно закивали.

– А что вы двое делали в это время?

– Мы начали орать, но не могли пошевелиться. Между нами и ними как будто стена встала. Клянемся, мы пытались помочь ему. Мы стали бросать камни, но всего два или три приземлились рядом с ними. Я даже стрелял из маленького лука, но стену все равно не пробил.

Малум кивнул:

– Что было дальше?

– Диб был как мертвый. Он не должен был шевелиться. У него была сломана шея и голова висела так странно. И глаза были закрыты. Те штуки, ну, рядом с ними, они уже совсем сгнили. Походили на подтаявших людей, с которых лохмотьями слезла кожа. Они трое пошли к нам, тогда мы взяли ноги в руки и побежали и бежали не останавливаясь аж досюда. Мы слышали, как те мужики на кладбище смеялись нам вслед.

Все ждали, когда Малум скажет свое слово и заполнит зияющую паузу, никто не решался посмотреть ему в глаза.

Подобные рассказы он слышал и раньше, правда, все это были сплетни, придуманные для того, чтобы пугать дураков, но вот совсем недавно кто-то рассказал ему, что на Джокулле мертвецы ходили по тундре, однако это было далеко и потому его не касалось.

Тем не менее, зная, что мальчишки, скорее всего, не врут, он заявил:

– Культисты-некроманты. На них это похоже. На кладбище возятся с могилами, поднимают мертвых, убивают члена нашей банды.

– Что нам делать? – насупившись и угрюмо подняв плечи, спросил тощий пацан. – Может, пойти назад посмотреть, там они или нет?

Малум встал, размял ноги.

– Мы, члены банды, одна семья. Если один из наших умирает, я умираю вместе с ним. Мы уважаем и поддерживаем друг друга. Но связываться с некромантами... это уже за пределами наших обычных дел.

Никто из его людей не был готов воевать с культистами. С отдельными из них он имел договоренности, и те, в обмен на кое-какие материальные блага, оказывали ему помощь, но в целом он не видел смысла тратить силы и деньги на то, чего люди все равно не поймут.

А уж связываться с некромантами и подавно незачем: такие ублюдки даже среди придурков-культистов встречаются нечасто. Он решил, что ничего предпринимать не будет, а мальчишек повысит в ранге за проявленную смелость и попытку отбить у некромантов своего уже мертвого друга.

Глава одиннадцатая

– Леди Рика, может, помолитесь немного? – буркнул Рандур. – Глядишь, снег и перестанет.

Он оглядел безлесную равнину с разбросанными по ней кое-где бликами солнечного света, небо, быстро обретающее цвет заржавленного клинка, – единственная цветовая вариация в этом бесцветье, по которому они так долго держали свой путь. Птеродетты окружали крачек, а те уворачивались от птеродетт. Но спрятаться на просторном поле небес было совершенно негде.

– По твоему тону я заключаю, что ты забавляешься на мой счет, Рандур, – сказала Рика. Ее черный плащ колыхался на ветру, то и дело открывая изукрашенный медальон, одетый поверх платья, – единственное напоминание о богатстве, которым еще так недавно наслаждались сестры.

– Не сильно, если честно, – отвечал Рандур, ловя кривую усмешку Денлина.

Он стоял на крыльце заброшенного фермерского дома, под навесом которого они укрывались от непогоды, и опирался на меч. В доме давно никто не жил, но все-таки это было не то же самое, что переждать снег под открытым небом. Да и вообще, любое укрытие было для них большим подспорьем. Они были в пути уже тридцать дней и все тридцать страдали от ледяной сырости. Тридцать дней прошло с тех пор, как они бежали из Виллджамура.

Они были беженцами, ни больше ни меньше; он вырвал обеих девушек из лап правосудия, чем прогневил целую империю, и сказать, что теперь он чувствовал себя не вполне уверенно, значило не сказать ничего. В уютной подчонке, которую долго швыряло и бросало по бурным волнам, они прошли на север вдоль берега Джокулла, не видя по пути ничего, кроме пустого неба да морской пены. Избежав ледяных полей возле Куллруна, подгоняемые убийственно холодными ветрами, они продолжали свой путь на юг и наконец не далее чем вчера, благодаря скорее везению, нежели умению, высадились на восточном берегу Фолка.

Но это была едва половина пути. Их целью оставался Виллирен, крупный торговый город, расположенный на дальнем от Фолка берегу соседнего с ним острова, и добраться до него в данный момент казалось почти невозможным.

Ну и ладно, зато хотя бы из ледяной воды вылезли.

Фолк, родина Рандура. Он хорошо знал свой остров, а значит, представлял, какие опасности могут грозить им здесь, вдали от крупных городов. Вот и теперь, видя перед собой выбеленный снегом пейзаж, где не двигалось ничего, кроме ветра, имея в запасе лишь немного провизии и забыв, как выглядят другие люди, он думал о том, что вряд ли их ждет успех. Участки голой земли у самого берега производили негостеприимное впечатление, на них не росло ничего, кроме лишайника да мха, и все же самые очертания здешних холмов и долин, знакомые Рандуру с детства, вселяли в него уверенность, хотя он и сам этого не подозревал.

Денлин, едва они выбрались на сушу, принялся поучать спутниц. Конечно, опыт старика был здесь полезен, но в последнее время он выражал свое мнение по поводу и без.

– Девушки из приличной семьи, потерявшие все – деньги, связи, родственников. Кто вы теперь такие? Никто, ясно вам?

– Никто, – мямлили они так, словно получали выговор за какую-то мелкую провинность, а не боролись за выживание на этой недружественной земле.

Обе были одеты в бесформенные плащи из коричневого меха, капюшоны надвинуты на самые глаза, у их ног лежали вещевые мешки. Некогда изысканно убранные волосы Рики висели нечесаными жидкими прядями, которые, намокнув от снега, липли к лицу. В отличие от подружки Рандура, Эйр, – у той волосы были короче и жестче, а лицо более круглое,

чем у Рики; в остальном девушки были похожи как две капли воды. Их сходство сильно беспокоило Рандура – как бы не сделать какое-нибудь сомнительное предложение не той сестре или не шлепнуть, часом, не по тому заду. И не получить пощечину в ответ. Дважды он был уже близок к фатальной ошибке и дважды в последний миг замечал тонкие различия и останавливался.

– Потому что всякий, кто что-то собой представляет, получает по шее, – продолжал делиться мудростью Денлин. – Хотя нет, не по шее, а по жопе.

– Разве выражаться обязательно? – пожаловалась Эйр.

– Привычка, – буркнул Рандур.

– Я многое повидал, паренек. Я, можно сказать, человек светский. – Денлин властно обернулся к нему, его лицо, изборожденное старческими морщинами, с мешками под глазами, даже выигрывало от этого внезапно обретенного достоинства. Его зеленый, как трава, плащ, бывший армейский, был безукоризненно чист – может быть, по старой солдатской привычке. Когда Рандур увидел старика впервые, тому было не до опрятности – он едва сводил концы с концами и с трудом наскребал деньги на выпивку и еду в вонючих трактирах Виллджамура. Однако теперь – вдали от людей, под огромным небом родного острова – юноше уже не приходилось обижаться на то, что он здесь лучше всех одет.

– Сейчас не время миловаться да любезничать, – сказал Денлин. – В диких местах и язык должен быть диким.

Вдали что-то зашевелилось.

– А как на диком языке сказать вот что? – перебил его Рандур. – «Там, вдали, армейский фургон, и он движется прямо сюда».

Старик повернулся, чтобы посмотреть на приближающуюся группу.

– Верно подмечено, паренек. Вот дьявольщина.

Запряженный одной лошастью фургон показался на вершине ближайшего к ним холма: на боку повозки красовалось грубо нарисованное изображение орла, распростершего крылья над пламенем. Рандур понял, что это не регулярные войска, а группа мятежников из тех, что то и дело возникали по всей империи. Юноша уже встречал их раньше на Фолке и знал, что добра от них ждать не приходится. Они требовали свободы от Джамурской империи и отказывались платить налоги, однако своим поведением позорили доброе имя анархизма. Рандуру не раз приходилось слышать о том, как они, перебираясь из города в город на своих тележках, соблазняли там молоденьких девчонок, которые покупались на их недоделанную философию, заимствованную у тех, кого больше интересовало побесить своих предков, чем заняться собственно революцией. Эти молодчики любили призывать других взяться за оружие, но сами только и умели, что петушиться по трактирам на глазах у девчонок.

– Две лошади впереди, одна сзади, одна сбоку от каравана, но, что еще важнее, четверо вооруженных мужиков в драных плащах, и мечи у них охрененно здоровые, – поделился наблюдением Рандур. – Как по-твоему, они тут цветочки продают?

– Думаешь, мы возьмем их, Ранд? – Эйр потрогала золотую цепочку у него на шее – одно из немногих украшений, которые ему удалось вынести из города. С тех пор как в Виллджамуре он учил ее искусству боя на мечах, уверенности у нее значительно прибавилось. Рандуру нравился ее новый характер, ему не терпелось остаться с ней наедине и продолжить исследование их чувств друг к другу. По правде говоря, остаться с ней один на один ему хотелось до головокружения, но с ее богом ударенной сестрой и Денлином, которые вечно крутились поблизости, такая возможность им пока не предоставлялась.

– Не советую, – отозвался Денлин. – После Виллджамура вы двое задаетесь дальше некуда. Думаете, попредставляли там, на стене, так уже и героями стали. А здесь-то все по-другому.

– А мне хотелось бы надеяться, что здесь мы воздержимся от насилия, – вмешалась Рика. – Видит Астрид, я уже повидала достаточно, с меня хватит. – Она склонила голову и задвигала губами в беззвучной джорсалирской молитве. Годы, проведенные ею на Южных Фьордах, где под наблюдением жриц Астрид она изучала богословие, не прошли для нее даром. Рандура раздражало, что в такие моменты, как этот, когда они нуждались не в божественном вмешательстве, а кое в чем посущественнее, она всегда обращалась к религии.

– Девчонка дело говорит, – согласился Денлин. – Для насилия нет причин, не о чем тут беспокоиться. Предоставь все мне.

И Денлин, опасливо ступая по глубокому снегу, двинулся навстречу незнакомцам – сущим пещерным жителям, судя по виду. Отойдя от своих спутников шагов на пятьдесят, Денлин приветствовал прибывших, а дальше Рандур не слышал ничего – расстояние и снег поглотили слова старика. Тот жестикулировал на все лады, тыкал пальцем то в одну, то в другую сторону, смеялся, подбоченясь, и Рандур с облегчением заметил, что верховые тоже начали улыбаться.

Настроение изменил стремительный обмен взглядами.

Один из чужаков поднял арбалет и выстрелил Денлину прямо в глаз, на снег хлынул фонтанчик крови. Старик повалился навзничь. А бандиты продолжали глядеть на него как ни в чем не бывало.

Рика приглушенно вскрикнула.

– В дом, быстро! – приказал Рандур. – Эйр, если меня пристрелят, пригляди за сестрой. Не думаю, что эти мерзавцы хорошо с ней обойдутся.

Лицо Эйр исказилось от негодования. Она хотела остаться с ним и показать себя в бою, он знал это, и, может быть, у нее еще будет такая возможность, но сейчас она не готова убивать, несмотря на свое героическое настроение. Эйр распахнула дверь дома, пропустила вперед Рiku и, бросив ему напоследок сердитый взгляд, скрылась за ней сама.

«Черт побери, – думал Рандур. – Денлин...»

Молитва уже не казалась ему неуместной.

Отключив эмоции, он сосредоточился на настоящем, сбросил плащ и взялся за меч, чувствуя приятный холодок возбуждения внутри. К бандитам он приближался медленными, размеренными шагами, надеясь, что они не сразу разнесут его в клочья из своих арбалетов, не дав ему даже подойти к ним. Больше всего на свете ему хотелось оказаться сейчас где-нибудь в другом месте, и он старался даже не смотреть на тело мертвого друга. Снег проваливался под его ногами, ветер стих, оставив по себе жутковатую тишину, в которой его путь к бандитам показался ему вечным.

– Вряд ли это было так уж необходимо, – обратился Рандур к обрюзгшему смуглому мужику в коричневом плаще, который сидел на козлах фургона. Крошки и пятна от еды украшали его одежду спереди, в руках он держал мех с вином. *Злится, наверное.*

– Солдат, – равнодушно буркнул тот. Пожав плечами, он протянул свободную руку. – На нем плащ, значит нечего ему тут делать, вот и все.

Двое всадников развернули лошадей. К ним подоспел третий, тот, что ехал сзади, вместе они окружили Рандура. Молодой человек молча смотрел на их жоака, подавляя злость.

– Он не служил в армии уже давно. Он много лет как уволился и всего несколько дней назад сам сражался против джамурцев.

– А мы не любим джамурских солдат, будь они хоть бывшие, хоть настоящие, хоть в форме, хоть без. Слишком много их развелось на нашем острове. У нас все просто: раз на тебе значок, значит ты нам не друг. Мы убиваем всех, кто связан с империей. А ты имеешь к ним отношение?

– Ага, сейчас, – солгал Рандур. – Да он вообще солдатом не был. Просто спер этот плащ для тепла. Ну и так, покрасоваться.

– А нам он другое говорил, – отозвался толстяк, с трудом выпрямляясь на козлах, – когда мы его спрашивали.

Ладно хоть щелчка арбалетного затвора пока не слышно.

– Он был обычный старик, просто любил произвести впечатление.

– Ну, на меня он впечатления не произвел. А теперь поговорим об остальных. Кто вы такие и что здесь делаете? Те аппетитные сучки, что убрались сейчас в дом, – ты их обеих трахаешь или как?

– Это никого не касается. – Гнев клокотал у него внутри, но Рандур обуздал свои эмоции. Вместо этого он скормил бандитам сказку о том, что он и его спутницы тоже ненавидят империю, которая драла с них такие налоги за землю, что они вконец разорились, по миру пошли, за душой ни дракара... а девчонки обе заразные, так что с ними терять времени вообще не стоит.

– Глядя на твою одежонку, не подумаешь, что ты ее купил на последние деньги.

– Думаешь, мы торчали бы здесь, черт знает как далеко от ближайшего нормального жилища, будь у нас деньги? – огрызнулся Рандур.

– Это ты верно подметил, – ворчливо согласился разбойник.

Новый обмен взглядами.

Рандур нырнул вправо, так что пущенный из арбалета болт прошел над ним, потом нарочно напугал ближнюю к нему лошадь – та, шарахнувшись, врезалась в другую – и, пока оружие всадники разбирались, что к чему, стащил их обоих на землю. Чик-чик, он перерезал им глотки, после чего метнулся под фургон и выбрался с другой стороны. Там Рандур застал врасплох последнего всадника, дважды ударил его головой о борт фургона так, что доска треснула, и под конец вогнал ему в рот меч.

Запрыгнув на фургон, Рандур сбросил возницу на землю – его вес увеличил силу удара.

Острие меча Рандура зависло над глазами возницы.

– Не убивай меня! – завопил тот, и мокрое пятно расцвело на его штанах возле паха.

– Хорошо, жирный ублюдок! – Рандур схватил его за сальные волосы. – Назови мне хоть одну причину, почему этот мир не станет лучше без тебя.

– Я... я...

– Извини. Ты не произвел на меня впечатления. – Рандур встал и провел нижним краем своего меча по горлу бандита.

Он оставил его лежать на снегу и истекать кровью с согнутыми в коленях трясущимися ногами. Лошади спокойно стояли рядом, пар от их дыхания клубами поднимался в воздух.

Рандур подошел к мертвому Денлину, присел рядом и, взяв голову друга в руки, взгляделся в зияющую на его лице рану. Крови из нее вытекло столько, что снег вокруг покраснел, отмечая место убийства.

Потом Рандур вернулся в дом, прошел в самую дальнюю комнату и сел в углу, швырнув меч на пол.

– У нас есть привыкшие к седлу лошади, немного еды и кучка монет, – объявил он. – Это прогресс.

И стал энергично тереть себе лицо, боясь заплакать – от длительных лишений, от напряжения, от радости, что его не убили, еще непонятно отчего.

Вот тебе и слава, вот тебе и полапал девочек.

Откуда-то из темноты вышли Эйр и Рика, они мешкали, не зная, как продолжать разговор после такого начала. Лицо Эйр выражало жалость. Он не знал, напугана она его жестокостью или нет, не был даже уверен, что она ее видела. Хотя ей уже не привыкать, ведь она еще не забыла ту бойню, которую он учинил, освобождая ее из Виллджамура.

– Их действительно надо было убить? – спросила Рика.

Закрыв глаза, он медленно выдохнул, потом сказал, обращаясь к Эйр:

– Вот не умеют некоторые быть благодарными, правда?

– А Денлин?... – начала Эйр.

– Умер. Совсем. – Рандур подтянул колени к груди, Эйр тут же присела рядом, положив ладонь ему на руку, но он смотрел мимо нее, в открытую дверь, туда, где чужие люди только что походя лишили жизни его лучшего друга. Его была дрожь.

Под кроваво-красным небом Рика совершила погребальный обряд по Денлину. Когда она попросила у Рандура разрешения на это, он не знал, как реагировать, и потому просто согласно буркнул. Она и так все время либо молилась, либо сидела с постным лицом, не выражая ни малейшей благодарности за свое спасение. Не то чтобы она совсем не была благодарна, просто ей хотелось, чтобы все делалось по законам религии. А спасти свою и чужую шкуру, не запачкав при этом рук, получается не всегда.

Да пошла она! Пусть там одна морозит себе задницу, посмотрим, сколько она протянет. В конце концов, он здесь только ради Эйр, его задача – делать то, что она хочет, вот и все. Служа ей, он придает своей жизни цель и смысл. Вернувшись на Фолк после многомесячного отсутствия, он хотел прежде всего скакать в Уле, где жила его мать, проверить, как там она. Он знал, что, когда людям ничего не светит в будущем, они начинают с тоской оглядываться на прошлое. Вот и он замыслил теперь поездку в тот город на южном берегу острова, где прошло его детство, где он научился танцевать и драться на мечях по правилам древнего витасси. Эти навыки столько раз обеспечивали ему преимущество не только в бою, но и вообще в жизни.

Оторвав от стен дома несколько кусков древесины, они вместе соорудили Денлину погребальный костер, чтобы отправить его душу в высшие миры. Завернули тело в плащ, разожгли огонь. Пламя, взбежав по поленнице дров, вцепилось в труп старика, и скоро яркие искры столбом взвились в ночное небо.

Слушая ритмичное пение Рики, он с удивлением ощущал, что оно успокаивает его больше, чем он готов был признаться. Раньше ему никогда не хватало времени на религию. То он бегал за юбками, то танцевал при свете костров. Жизнь предлагала столько радостей и удовольствий, что об отказе от своих естественных желаний ради неясного будущего и думать не приходилось. А уж в Виллджамуре, куда он пробрался под чужим именем, ему и подавно было чем заняться.

И все же приходилось признать, что странные мелодические молитвы Рики таят в себе какой-то соблазн, манят к себе.

– О чем ты поешь? Должен сказать, я плохо представляю, чему учит эта ваша религия.

Выражение счастья изменило ее лицо.

– Когда два бога, Бор и Астрид, мужское и женское начала, сотворили этот мир, они сотворили и другие. Много разных миров, одни параллельные друг другу, но в основном на разных уровнях бытия – одни выше, другие ниже. На самом высоком уровне заняты выяснением отношений боги и полубоги. Считается, что быть богом хорошо, но им, видно, всегда чего-то не хватает, вот они и соревнуются друг с другом. Есть даже призрачный мир, он находится уровнем выше нашего, и туда попадают те, чьи души так и не смогли освободиться от какого-нибудь страшного воспоминания. Вот почему пребывание в нашем мире, со всеми его трудностями и радостями – именно по причине всех его трудностей и радостей, – как нельзя лучше подходит для развития духа.

Тут он фыркнул, хотя нельзя сказать, чтобы с неодобрением.

– А как же Денлин? – спросил Рандур. – Куда он попадет? В один из других миров?

– Да, и мои молитвы как раз для того и предназначены, чтобы помочь ему достичь хорошего мира.

Какая теперь разница? Все равно Денлина больше нет, он умер, просто умер.

Эйр и Рика вернулись спать в дом, оставив Рандура снаружи, где он задумчиво глядел на костер. Денлин так помог ему – именно он находил покупателей на украшения, которые Рандур добывал, соблазняя богатых жадных старух, чем зарабатывал деньги им обоим. Они стали своего рода коллегами, их связала полезность друг другу.

Где-то вдалеке завыл волк, и от этих звуков Рандуру стало еще более одиноко в этом большом мире.

Спасибо тебе, старина.

Глава двенадцатая

– Командующий Латрея, сын мой, прошу, входите.

И опять эта короткая, уже привычная для него пауза вначале – время, которое требовалось другому, чтобы понять, что перед ним альбинос, не такой, как все. Белые одежды, сильный запах мускуса; жрец протянул ему руку тыльной стороной вверх. Бринд откинул капюшон, шагнул вперед и преклонил перед священнослужителем колени, целуя протянутую руку. На сухих от старости пальцах было слишком много колец, ему это не понравилось.

– Солдат Ночной Гвардии в моем храме, – прошелестел жрец. У него было чуть рябое лицо, острый взгляд. – Это большая честь для меня. А уж удостоиться посещения знаменитого альбиноса...

Храм скорее походил на собор. В нем было полно пышных украшений, которые Бринд не выносил. Зачем Бору и Астрид, этим богам-создателям всего сущего, воплощениям мужского и женского начал, нужна вся эта роскошь? Оглянись кругом, и поневоле подумаешь, что все эти служители культа, как мужчины, так и женщины, вымогают у своей паствы деньги исключительно ради украшения храмов. Канделябры, зеркала с подсвечниками, приставные столики у стен, и все тончайшей работы. Красная ковровая дорожка делила просторное, словно пещера, помещение храма надвое, по обе стороны от нее рядами тянулись скамьи, на которых рассаживались для молитвы жители города, как мужчины, так и женщины, каждый в своей половине.

– Отец Пиас, это для меня честь быть здесь, – солгал Бринд. Поднялся и глянул старику в лицо. Избороздившие его глубокие морщины как-то не вязались с духом смирения и праведности. Птичий нос нависал над необычайно тонкими губами.

– Чем я могу вам помочь? – Голос Пиаса властно нарушил тишину храма. Вместе они подошли к одной из передних скамей, где жрец знаком пригласил командующего сесть.

Сотни свечей наполняли огромное пространство светом, распространяя тепло и покой, которые действовали на удивление сильно. В глубине храма горели курильницы, пахло сандалом, струйки ароматного дыма, завиваясь, поднимались в воздух.

– Я пришел сюда просить у вас огромного одолжения, – начал Бринд. – Вы наверняка уже знаете о грозящей нам опасности, так что не буду утомлять вас изложением деталей.

– Действительно, – вздохнул Пиас. – Дело очень серьезное, не так ли? И как вы справляетесь?

Бринд ответил не кривя душой:

– Учитывая предполагаемую силу натиска, даже не знаю, на сколько нас хватит. Мы решили попросить как можно больше культистов помочь нам в приготовлениях...

– Это путь в никуда, командующий. Культисты – публика ненадежная и неприятная.

Бринд знал, что церковь не благоволит к культистам, но до сих пор даже не представлял себе, до какой степени. Он молча ждал продолжения.

– Презрев все нормы этики, они вторгаются в законы вселенной. Бор, конечно, не одобрил бы всех их штучек, но беда в том, что они еще и лгут об устройстве мира. Вы хорошо сделаете, если не будете слушать их соблазнительный вздор.

– Боюсь, что времена настанут отчаянные. Поддержки приходится искать даже у бандитов.

– Вот как? – Лизнув пальцы, жрец пригладил ими выбившуюся седую прядку. – Не думаю, что от преступников кому-то может быть польза.

– Предположительно нет, но сейчас не время выбирать. Бандиты – народ крепкий, и, кто знает, быть может, они найдут способ... оправдать себя в глазах Бора и Астрид.

– Верно. – Пиас философски пожал плечами.

– Но чего я хочу, – продолжал Бринд. – так это некоторого наставления. Мне говорили, что ваши проповеди собирают много народу.

– Ах, это действительно так. Я ревностно распространяю учение нашей церкви. – Жрец улыбнулся. – Но какой от этого прок военным?

– Воодушевление, вот что важно. Возможно, в Писании сказано что-нибудь о борьбе за общие цели. Ведь если то, что сообщает мне моя разведка, верно, то нам всем предстоит бороться с беспощадным врагом. Можно даже сказать, с врагом из иного мира.

– Военный ищет духовного наставления против сил зла? – переспросил Пиас едва ли не с усмешкой.

«Скользкий гад», – подумал Бринд.

– Не совсем, отец Пиас. Я только хочу знать, есть ли что-нибудь подобное в Писании.

– Конечно есть. Хотя там не все такое... черно-белое. Возьмем хотя бы учение Охотника Санты. В нем говорится, что Бор и Астрид не раз требовали от людей жертв ради общего дела в прошлом. Ради того, чтобы сохранить наши здешние владения на их громадной территории. Многие ученые мужи предполагают, что именно отказ ряда предыдущих цивилизаций откликнуться на призыв богов и привел к их уничтожению – так произошло с цивилизацией Шалафар, к примеру. «Ради великой милости Бора взываю к вам: принесите себя в жертву Бору, посвятите себя служению ему и угождению ему. Таково будет ваше истинное поклонение».

– У меня нет желания, чтобы и нашей цивилизации настал конец. – Бринд встретил взгляд жреца.

– У меня тоже.

– Вот как обстоят дела, – продолжал Бринд. – Хотел бы ошибиться, но город, скорее всего, падет, если все мужчины и все женщины не встанут как один на его защиту. Мои солдаты сделают все, чтобы остановить врага, но я опасюсь худшего. Мы имеем дело... – Тут он поискал слово и, заботясь не столько о точности, сколько о выразительности, сказал: – Со злом. Злом, которое не остановится ни перед чем, вот почему я хочу, чтобы все люди дрались за свои дома, за свою жизнь. А если собственная жизнь им безразлична, так пусть дерутся за какую-нибудь высокую духовную цель. К примеру, за перерождение в новом мире, где-нибудь далеко от их повседневного существования. Им нужны, – Бринду очень хотелось избежать этих слов, – надежда и вера.

– Вы ищете вмешательства Бора и Астрид? – переспросил священнослужитель.

– Да. – Бринд сам презирал себя за то, как низко ему пришлось пасть. Мотив любого поступка – либо вера как таковая, либо вера в то, что от этого им будет лучше. Так что с мотивацией все просто, а ему надо было убедить граждан Виллирена сражаться за что-то большее, чем они сами. – Оно помогло бы нам не возлагать надежды на внешние силы... вроде культистов и им подобных...

Жрец Пиас откинулся на спинку скамьи и вытянул вдоль нее руку. В храме на время воцарилась тишина.

– А вы сами верующий человек, командующий? – спросил он.

– Иногда. – Снова ложь. Разве мог он всерьез относиться к системе верований, которая объявила вне закона тех, кем он втайне являлся?

– Я подумаю над вашим предложением, командующий, – пообещал жрец. – Если на наш город действительно надвигается великое зло, как вы говорите, то мне понятна ваша озабоченность. Я побеседую с другими жрецами и выясню, какие еще толкования Писания они могут предложить. Ради высшего блага, как вы говорите.

– Ради высшего блага, – эхом повторил Бринд.

Снова холодная ночь, когда лошади мчат сквозь тьму, оскользаясь на льду копытами. Мимо прогрохотали два фиакра, возницы даже не посмотрели в его сторону. На каждом перекрестке маячили бандиты, беседуя между собой на языке улиц – смеси джамурского с наречиями аборигенов. Наблюдая эти ночные сцены, он лениво думал о том, что же случилось с Хаустом – исчезнувшим молодым блондином.

Бринд был в штатской одежде из множества слоев землисто-коричневого хлопка, с капюшоном, как в ту ночь, когда он ходил смотреть подпольные бои и натер себе лицо грязью, чтобы скрыть свой истинный цвет; так можно было поступить и сейчас, только красные глаза все равно остались бы видны, и потому он решил надеть маску-нягу.

Он жил в постоянном напряжении, расчеты, связанные с предполагаемой военной операцией, съедали все его время. По ночам, пока другие солдаты и офицеры гуляли в городских трактирах, он, обложившись картами и донесениями разведки, до утра просиживал за столом, думая о нуждах тысяч других людей, которые и не подозревали о том, что он им служит. За последние три ночи он вряд ли спал больше восьми часов.

Но сегодня все будет иначе. Сегодня он будет отдыхать.

Руководствуясь слышанными ранее намеками, он шел теперь к одному неприметному дому, такой можно было увидеть в любом городе Бореальского архипелага. Никакой. Войдя, сразу за дверью он обнаружил двух здоровых парней с кинжалами. За ними начинался темный коридор. Обменявшись с ним несколькими тихими фразами и выяснив его намерения, они пропустили его.

Первая комната освещалась двумя настенными светильниками в разных ее концах, и на каждом столе стояла свеча чайного цвета. *Вечно одно и то же.* Темнота, в которой было удобно прятаться лицемерам – возможно, тем самым, что при свете дня клеймили других как «извращенцев».

Педерасты, педрилы, гомики.

От этих слов ему становилось больно до жжения в мозгу. В самые тяжелые моменты он почти не винил тех, кто так говорил, он и сам себя с трудом тогда переносил. Однако их бросали с бездумной небрежностью, они легко слетали с языка у тех, с кем он работал, кому доверял.

Но неужели мир испытывает к нему и к таким, как он, столь неподдельные негативные эмоции лишь потому, что так написано в каком-то старом тексте? Другие культуры – Бринд был уверен в этом – не порицали подобных желаний.

Голубки, двустволки, педики.

Был ли он слабаком? Делало ли его слабаком то, что он хотел секса, платил за секс? Нет. Просто так было проще, деньги служили средством обеспечить анонимность, а значит, сохранить инкогнито.

Из-за дверей главного бара раздавалась музыка. Он на минутку сунул туда голову, увидел мужчину со скрипкой и другого, который наяривал аборигенные ритмы на барабане, ощутил запахи арумового корня и пролитой водки. В дальнем конце зала горели свечи, в полутемном пространстве перед ними сновали безликие тени. Его сердце забилось быстрее, подражая бешеному ритму барабана. Почему-то ему вдруг стало страшно и даже захотелось уйти, вернуться в казармы и забыть об этой стороне своего «я», как он уже неоднократно делал.

Старательно подделывая акцент, он обратился к кому-то с вопросом, где можно заплатить. Ему показали жестами, едва различимыми в полутьме. Ощупью он прошел по коридору, который наконец привел его туда, куда он надеялся попасть. Через минуту он уже выбрал себе мужчину, чей торс блестел от масла, от него пахло пачулями, видимо, чтобы расслабить клиента.

– Если вы в первый раз, не бойтесь.

– Не в первый. – Бринд едва не расхохотался. Сколько членов он перевидал за свою жизнь? И не сосчитать. Он бросил мужику несколько сота – даже не взглянув сколько.

Они нашли комнату с приличной кроватью, и дальше все происходило на ощупь. Бринду нравилось так, вслепую: обострялись другие чувства. Например, чувство свободы от ответственности, от необходимости принимать решения. Мужчина хотел снять с Бринда маску, но твердая рука легла на его мускулистое запястье, и попытка была пресечена в самом начале. Вместо этого Бринд слегка сдвинул маску набок и поцеловал партнера в губы; и сразу вспыхнувший в нем примитивный инстинкт развеял ощущение инертности и пустоты, которые овладели им в присутствии незнакомца. По крайней мере, это был мужчина, живой, и у него было тело, был язык, был член... то, чего Бринд не знал уже долгое время. Он был груб, ухватками напоминал бандита, но Бринд нежно исследовал бугры мускулов, которые льнули к нему, мощные руки, обвившие его талию. *Черт, до чего же... хорошо-то.* Бринд отвернулся, завел руку за спину, выпустил из штанов партнера член и ласкал его, пока тот не встал.

– Ты с защитой, как я понял? – спросил Бринд. Движение куда-то в сторону, и мужчина-проститутка стал безопасным. *Наконец-то заслуживающее доверия заведение.* Воспользовавшись маслом с торса партнера как смазкой, он встал на четвереньки и выключил свой мозг.

Бринд ушел без всяких попыток завязать разговор, не прощаясь, просто прошел путаными темными коридорами и выпал прямо в холод ночного Виллирена, в свою обычную жизнь. Не о чем тут думать – быстрый перепих, чтобы снять накопившееся напряжение, вернее, заменить его чувством вины.

Уходя, он вдруг заподозрил, что за ним следят. Может, это просто страх. На здешних улицах всякое примерещится, и все же...

А что, если там и правда кто-то есть?

В тени?

Глава тринадцатая

Еще один скандал с Беами, еще один плохо начатый вечер. Вечно она возится со своими глупыми реликвиями, что-то клекает, все пытается заработать побольше денег, как будто они в них еще нуждаются. Но она не слушает, знай себе делает свое. Поначалу эти ее интересы как будто не имели значения. Давно, еще до Оледенения, ее привлекала стабильность, которую он ей предлагал, нравились его необузданный темперамент, страстность и достаток. И вот сегодня состоялась новая бессмысленная дискуссия на тему нынешнего состояния их брака, и опять он хлопнул дверью и вылетел из дому как ошпаренный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.